

Анатолий Можаровский

Оттенки и тени

Київ
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

Оттенки и тени. *Поэзии*. — К.: ВПЦ «Київський
М75 університет», 2013. — 336 с.

ISBN

В поэзии Анатолия Можаровского художественные образы потрясающей реалистической силы проникнуты безграничной любовью к людям и, как всегда, имеют четко выраженную социальную направленность.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михаил МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михаила МАЛЮКА

ISBN

© Можаровский А.И., 2013.
© Малюк М.М. предисловие, 2013.
© Урбанская С.Г., художественное оформление, 2013.

В ЛЮБВИ И ВЕРЕ

Житомирское Полесье...

Вековые леса с голубыми глазами озер, привольные луга, извилистые речушки с увитыми ивняком берегами, а над ними — звенящий птичьими голосами простор... В этих сказочных, по сей день почти не тронутых цивилизацией местах лежит село Кочеров. Здесь, 20 ноября 1954 года, родился Анатолий Можаровский.

Изумительная природа, тогда еще многолюдное и поющее по вечерам село, местный самодеятельный театр, сказки и предания местных старожилов приобщили мальчика к прекрасному, рано пробудили в нем тягу к творчеству. Еще школьником он пробовал писать стихи и юморески, с которыми с огромным успехом выступал в местном клубе и по окрестным деревням. Тогда же сделал и первые попытки напечататься, посылая свои стихи и рассказы в киевские газеты и журналы, но неизменно получал формальные отписки и советы читать классиков...

Классиков он читал. И не только классиков. Перечитал все книги, которые были в сельской и школьной библиотеках. Тогда же начал собирать и свою домашнюю библиотеку, покупая книги на первые, заработанные на сборе грибов, ягод и лесных орехов, деньги.

Окончив в 1969 году восемь классов местной школы, Анатолий поступил в Киевский техникум железнодорожного транспорта. С переездом в столицу он, на сколько позволяла скудная стипендия, приобретал книжные новинки, посещал театры и художественные выставки. Стихи писал все реже и реже, и наконец бросил, целиком посвятив себя учебе. После окончания техникума в 1972 году два года служил в армии. После демобилизации продолжил обучение в Киевском институте железнодорожного транспорта. Работал на Юго-Западной железной дороге, преподавал в родном институте. В первые годы независимой Украины успешно занимался книжным бизнесом, от которого отошел, поняв бесперспективность борьбы с коррумпированными чиновниками. Жизненный опыт, виденное и пережитое, деятельная натура Анатолия требовали выхода, и он снова обратился к мечте своей юности — поэзии. Художник жил в нем всегда...

Мне посчастливилось редактировать все поэтические книги Анатолия Можаровского. Признаюсь, поначалу возникло некоторое настороженное недоумение — уж очень большой, даже громадный, объем переданной мне рукописи невольно вызывал сомне-

ние — а не графомания ли это? Но первые же прочитанные страницы развеяли предубеждение: несомненно — явился настоящий поэт, обладающий своим оригинальным языком и стилем, поэт предельно откровенный, поэт-первопроходец и воин, сознательно и ежедневно бросающий себя в неравные, и не сулящие побед, сражения с обезумевшим миром.

Казалось, нынешняя поэзия, как, собственно говоря, и вся литература на постсоветском пространстве, освободившись от цензуры и пристального партийного контроля, получила наконец неограниченную свободу. Ожидалось, она явит миру шедевры, заблестит новыми именами, выработает оригинальные жанры и стили. Получилось наоборот. Оказалось, сами литераторы не готовы к свободе, и совершенно неспособны пользоваться дарованными ею возможностями. Многие увлеклись экспериментированием над формой стиха, как будто забыв, что подобные увлечения исчерпали себя в европейских, (да и в русской и украинской) литературах еще в начале прошлого века. Многие начали тянуть в свои произведения ненормативную лексику, но и русский мат не помог создать ничего сколько-нибудь значительного. Многие, заиклившись на следствии и не видя причины явления, бросились описывать низменные страсти, избрав объектами антисоциальные элементы, смакуя при этом отвратительными подробностями, и снова ничего кроме разочарования и собственного бессилия такая якобы “литература” не показала. Да и не могло быть иначе. В искусстве, в данном случае речь идет о литературе, автору позволено все, в том числе и рискованные эксперименты с формой и языком, но только при условии, что писатель сумеет заставить читателя поверить ему и сопереживать, а для этого ему, писателю, нужно и самому быть искренним и правдивым, даже рассказывая самую невероятнейшую историю, и, главное, он в равной степени должен любить всех созданных им героев, как Творец любящий равно созданных им детей — праведных и грешных. На понимании этого и стоит веками мировая литература.

Как это ни прискорбно, но украинская литература, как и украинская власть, как, собственно, и весь украинский народ, живут иллюзиями и самообманом. Здесь всё зыбко и ненадежно. Вроде бы и есть государство, о котором мечтали и за которое сражались веками, но, на самом деле, оно много враждебнее простому человеку, чем даже порабошавшая его столетиями империя. Вроде бы есть избранные демократически парламент и президент, и правительство свое, не навязанное извне, но они существуют как бы в параллельном мире, где келейно решают свои проблемы, далекие от насущных требований жизни простых украинцев.

Украинские писатели почему-то закрывают на это глаза, живя своими иллюзиями и своей мнимой свободой, продолжая сражать-

ся с ветряными мельницами советской империи, рухнувшими двадцать лет назад. Они, как и прежде, ищут врагов извне, вспоминают давние обиды; заиклившись на прошлом, не видят ужасов творимых сегодня уже своей, “демократической и независимой”, властью да, чего греха таить, и веками воспеваемым ими народом. Они упорно имитируют бурный литературный процесс, проводя презентации собственных, изданных мизерными тиражами книг, страстно добиваются ничего не значащих литературных премий, годами ожидают подачек от властьпредержащих в виде медалей и званий. О какой независимости литературы может идти речь? Понятно и падение читательского интереса — среднестатистический украинец в год покупает книг на 2,9 евро...

Анатолий Можаровский — поэт уникальный для Украины, да, пожалуй, и для всего постсоветского пространства. Своими поэтическими книгами ему удалось создать воистину эпическое полотно — события конца двадцатого начала двадцать первого столетий показаны через личностное восприятие: падение коммунистической тоталитарной системы, распад Советского Союза, радужные надежды на будущее, порожденные свободой, и горькие разочарования днем нынешним, когда ожидаемая свобода и независимость превратились в очередной, еще более жестокий и бесчеловечный тоталитаризм.

Его стиль, его взгляд на современный мир, настолько новы и ни на что не похожи, что вызывают у многих недоумение и неприятие, а то и откровенную враждебность; его, как и библейских пророков, готовы побивать камнями и гнать с глаз долой за каждое слово, слетевшее с его уст, ибо слово это — Правда. Неприкрытая. Неприукрашенная. Пугающая.

После выхода очередной книги “Эпоха в застенке” его три месяца терроризировал провокационными телефонными звонками некий полковник милиции: поэт, видите ли, осмелился писать о политических репрессиях в Украине и цинизме властей!

Даже коллеги-писатели в большинстве своем не воспринимают творчества Анатолия Можаровского — самое малое, что ему вменяют в вину: мол, начитался, американских поэтов и себе давай гнать в том же духе! Более абсурдного обвинения, пожалуй, не придумаешь. К примеру: как ни старайся, а даже отдаленных реминисценций поэзии наиболее переводимого когда-то американца Уолта Уитмена в творчестве Анатолия Можаровского не найти. Как не найти влияний и кого либо другого.

Первые книги Анатолия Можаровского отличались напористостью и стремительностью стихии. Долго сдерживаемый талант как внешние воды прорвал плотину, вырвался на волю и внезапно, разом, залил все прилегающие территории: поэту не терпелось ска-

зять обо всем и сразу. Здесь соседствовали трогательные воспоминания о первой любви, запоздалая нежность, боль, раскаяние и невыговоренная в свое время признательность ушедшей в вечность матери, тревога и боль дней сегодняшних, грозные инвективы и лирические зарисовки. В разнообразии тем поэт интуитивно искал свою форму стиха, собственный стиль, свои языковые средства. Нельзя не заметить постоянно растущее от книги к книге мастерство, все более четко выраженную социальную направленность его поэзии. Сегодня Анатолий Можаровский уже целиком сформировавшийся поэт, имеющий свой, легко узнаваемый и ни на кого не похожий, голос.

Хотя мы и живем в христианской стране, но от истинного христианства далеки — остались лишь внешние формы обрядов. В сущности, христианство у нас далеко уже не христианство. Завета Любви никто не осуществляет. Одни живут за счет других: знают, что есть бездомные и голодные, но возводят себе дворцы и пиршествуют ежедневно; могут воровать якобы законным способом и презирать честного труженика; позволяют демонстративно возводить на украденные у сирот деньги помпезные храмы и постреливать в прихваченных угодах нищих сограждан. Это ли христианство? Полный распад общества, на руинах которого беснуется новый вид существ, для которых мы, люди, только лишь декорации, источник доходов, податливый материал для удовлетворения прихотей. Все это видит и понимает Анатолий Можаровский, об этом и пишет. Каждое его стихотворение — звено в цепи горестных столкновений художника с враждебным человеку миром. Воплощенные в художественные образы потрясающей реалистической силы, проникнуты безграничной любовью к людям, поэзии Анатолия Можаровского не только обличают, но и указывают путь к спасению и возрождению, путь простой и, к сожалению, для многих — немыслимый: жить в истинной вере и любви к Богу, жить по Его Заповедям.

Михайло МАЛЮК

***

Алхимики духа,
превращая собственную низость
в собственное величие,
тешатся этим
и хотят поделиться
со всеми, с кем можно,
вырываясь из сапожной
мастерской, с подмастерья,
на самый прогнивший
верх отвращения.
Их там не любит
никто,
лишь жалеют.
Люди, что снизу,
от них фонареют,
и тихо уходят в себя
от пороков, которые
мироправители разносят
коростой,
за ветром пуская
заразу, что сразу
цепляется к люду,
и он тоже,
не сразу, не все,
но постепенно
алхимит и верит,
что он — народ с высшей целью.
А верх тянет вверх
богатство себе.
Двадцать уж лет
грабят в стране
попуще пришельцев
когда-то извне.
Да что там тот Сталин!
Он просто пацан.

А эти химичат
все для себя,
народ весь
как нищий:
больницы — шприц
один на палату,
и тот с дыркой сбоку, —
вытекает лекарство,
которое нужно купить
вновь больному,
и могилы, могилы
очень рано и много...
Уходит народ в небеса
прежде срока
от нищеты, голытьбы,
что пороком
алхимики сделали
в сытой стране,
а сами величают себя
как герой на коне,
что скачет по полю
повергнув врага.
Эх, янычары,
алхимики зла...

22.09.2012.

***

Заумные мудрствования разумцов
под завязку образованных подлецов.
Их много на политическом поле,
как в лесу дров,
без чести, без совести.
Любят вещать,
учить, обещать, свистеть и трещать,
особенно в выборов дни.
Мчится детище властей
скорый поезд «Прохиндей»,
в нем полно таких людей.
Едут вглубь страны
пацаны, не молчуны,
точат остро языки
для лишения тоски.
Старики, не старики
их не ждут.
Наперегонки летят они,
и в штыки других, в штыки! —
всех, кто не мыслит как они,
мудрованы, битюги,
политологи-рвачи.
И народ молчит в тиши,
от этих брехозубоскалов
не уйти.
Разбегутся звери,
птицы отлетят из селений вдаль,
а на сценах, под милиций
зоркий хран,
они будут обещать
нам красоту,
деньги, девок и еду
без труда и без забот.
Надо лишь открыть
свой рот,
как открыли мудруны,
и сидеть, спустив штаны.

— Все придет для кайфа страсти! —
их слова, как хлеб на масле.
Надо только верить, ждать.
Они как боги стали,
в масть попали, в туз и десять,
разуметели прецепций.
И затихнут на пяток минут,
на час,
после выборов.
Мандат...
Слово — страсти столько в нем!
Кол встает на дыбы.
Звон в ушах,
круги в глазах —
мандат! —
их цель,
а нам другой,
словесный,
кайф.

22.09.2012.

***

В Римском Колизее
сегодня снова бой.
Глаза прекрасной женщины
прикованы к арене
и безмолвный крик ее
гладиатору:
— Любимый, если ты умрешь
я уйду с тобой!
Удар мечей.
Брызгами летает пот и кровь.
Сдуревший мир
за зрелища
сам умереть готов.
И бьются два железных воина
уже не первый час.
Их силы на исходе,
и ран не сосчитать.
В последний миг
вскочил к любимой
гладиатор,
под дикий рев трибун
обнял,
затем вдвоем,
оставив мужа-патриция
вернулись на арену,
и стали перед гладиатором
оба на колени.
И вой, и крик с трибун,
и пальцы, пальцы вниз.
Удар меча,
и пали влюбленные под свист,
улюлюканье и чавканье
жующих ртов.
Римляне великие
готовили остов
гроба для империи
расцветшей на крови,

но извращенно верившей
в себя:
сами боги!
И первых христиан
гнали в Колизей.
Падала империя,
насытившись разврата и кровей.

22.09.2012.

***

Времени ход не замедлить.
Время все быстрее и быстрее,
и наступит день тот особенный,
когда из солнца и огня
восстанет
Первый Украины
Президент.
Это будет женщина —
юная, красивая.
Ум живой и мудрость
от Бога ей дано,
как древнему когда-то
Соломону-царю.
Я пишу тебе, царица,
ты знаешь и помнишь меня —
я писал стихи тебе...
И снится
мне твое лицо,
цветы, трава,
снятся птицы в небе белом,
с голубою далью высь.
Снится мне моя Украина,
которой мне еще
служить, служить, служить.
Я пишу тебе, царица,
Первый Президент страны:
все, что было до тебя —
лишь битва,
битва одиночек и сатаны.
Мир неправды, лжи жестокой,
мир где вор, воры, ворье,
мир, где мало знали Бога,
мир, где я любить хотел,
а в ответ — жестоких,
колких
слов и многословий гнет,

мир, где унижался
каждый,
а не только я, поэт.
Я пишу тебе, царица,
помни главные слова
любви:
Бог и ближний...
Навсегда, сторицей,
им жизнь свою отдай
и послужи.

22.09.2012.

***

Мне сегодня вновь не спится.
Мысли, мысли
о тебе.
И бокал вина один искрится
взглядом твоим в памяти моей.
Выпить я тебя хотел любовью,
та любовь сжигала все.
Я горел в тебе
и кровью
помню тот бокал в вине.
Память сносит годы в годы,
память отдаляет страсть и свет.
Я остался здесь прохожим,
вглядываясь в лица всем,
а когда усталость сводит,
я лежу закрыв глаза,
и твои глаза мне
греют сердце.
Мне забыть их
никогда, никак нельзя.
Та любовь в любви
горою,
скалы камня вверх и вверх,
та любовь сожгла
живую
веру,
я с тобою поступил
как сверхчеловек.
И летает лист осенний,
мелкий дождь в окно,
и нерв
болью отдает мне в совесть.
А до встречи нам на небе
так осталось мало лет...

22.09.2012.

***

Белый светящийся серп
с лунной проседью
уносит нас вдаль
с раннею осенью.
Холод ночи после летнего жара
вдруг отрезвляет нас.
Так нам и надо.
Если любовь во времени года,
значит любви там
нет на пороге.
Если любовь от луны и от солнца,
и холод теряет ее за оконцем,
ты не сливай слезу за слезою,
ты улыбнись, ведь время с тобою,
и лунные блески воды
переливов,
и птичьи оркестры
собравшиеся в мире,
и солнце, что выйдет
опять на рассвете.
Надеждой путь греет
любовь, что ты в сердце
хранишь как очаг
пламени дома,
который согреет тебя и знакомых.
И рано, не поздно,
вдруг вся встрепенешься —
он улыбнулся тебе
и вернется, чтобы продолжить.
Смотреть не всмотреться.
Я был с тобою в этот миг,
и в сердце своем я унес
угольком капли тепла
навсегда, навсегда.

А любовь не зависит
от времени года,
любовь не зависит
от непогоды, погоды.
Любовь — это выше
майского цвета,
любовь — это выше
закатов, рассветов.
Любовь — это Бог,
и частичка Его, что в тебе.
Любовь — это Бог на Земле.

22.09.2012.

***

Поет випереджає час,
і життя, що сьогодні
духовно-злиденне,
тяжкою мукою несе на плечах.
Велика таїна країни,
де в щасті,
братерстві, любові та правді
завжди милосердний
просвітлений люд,
де правлять найкращі,
а не злиденні,
духовно зчорнілі,
що женуть усіх ременем,
по якихось своїх там законах,
з доріг, які в Слові своїм
проклав для нас Бог.

25.09.2012.

***

Окна глаз своих
с утра сегодня открывать не буду.
Устрою выходной
от скуки, которой каждый день
пресыщен,
однообразием житья-бытья
обижен,
а, может,
и возвышен.
Кто знает в этом смысл?
Философы свелись,
и вместо них пришли
Землей крутить прагматы.
Это почти приматы,
но только образованы повыше
и жестокие, конечно,
и циничны,
и кичатся железной волей
душить, кто послабее, в несвободе.
Все прагматично и обычно,
и скучно, даже неприлично.
А я уйду в себя.
Там мыслей столько,
что от них беда.
Мне хочется все изменить,
улучшить.
А люди?
Ты их спросил?
Да неудобно, вроде.
Люди хотят пожрать, попить,
люди хотят и зрелищ,
и любить друг друга,
но не так, как думал я.
Любовь — уже беда.
Любовью стал инстинкт.
И мысли рвут меня внутри,
наружу рвутся — покричать.

На митинге поставь кровать,
я буду там лежать,
и флаг у изголовья поцеплю —
трусы любимой в день тот подниму.
А митинг этот — за свободу,
свободу слова,
свободу от всего дурного.
Митинг и кровать.
Любится там и целовать
красивую свою, на день, любовь.
А вечером расчет я не возьму —
я здесь по зову сердца,
а не как в плену.
Я — думающий, не прагмат.
А мир меняется не просто так:
меняется за деньги, блага,
меняется под вой снарядов,
меняется под речи каст вышайших.
Меняется, и виноватых нет.
И человек становится прагматом —
железная воля и расчет железный.
От этого болезни, не те, что прежде,
и скука, скука бытия.
Слова стали не простые,
и речи, чтоб наболванить всем рога.

25.09.2012.

***

На поясе астероидов
микробы, бациллы.
Это наши их туда
много лет заносили.
Не кашлем, чиханием,
не обычным дыханием,
а словами и мыслями,
воспаленными, нечистыми
в желаниях, помыслах,
хотениях нескромных все,
алчностью, ложью,
ненавидением прошлого,
озверением в нынешнем
и тошнотой в будущем.
Люди как будто бы
что-то поели,
где-то на сквозняках
провели по неделе,
потеряли свой хлеб
на обед.
Что-то и как-то кем-то
привнесено.
Чисто сработано,
и в мире невесело.
Весело стало в спецзаведениях
под музыку пьянства
и в сексразвлечениях.
Если нет средств,
то есть интернет.
Если его кому-то
не в силах поставить, продвинуть,
прямо у дома
встречая соседей,
членов семьи своей, —
начинай их портвейнить.

Так и вошло все в привычку,
и жизнь стала такой,
что только держись!
И вирусы с духом
подгнившим и дерзким
медленно стали ползти
по Вселенной.
С ними боролись, сметая в огонь,
силы, что чистые в свете над злом.
Но вирусов много, и не услать
их вместе с бациллами в каменный век
по коридору
в далеких мирах.
Утилизация их —
в наших сердцах.

27.09.2012.

***

А купола церквей
зовут меня —
там жизни вечной Дух, —
и я иду быстрее, быстрее
под мелкий дождь осенний,
скользя по мокрым листьям,
и ветер каплями дождя
полощет мне лицо до слез,
и поздняя гроза
пред утренней.
Но мне тепло всегда
по всем дорогам в храм.
Куда заносит время и судьба
не знаю сам.
А купола церквей
сердцу говорят: «Быстрее!»
И колокольный первый звон.
...Я вспоминаю день,
когда упал СССР,
и мы бежали в храм,
ведя с собой детей,
и все казалось новым
в жизни чистой.
И храмов было мало,
и за людской толпой,
бывало, не зайти,
и ждали во дворе...
Священник выходил,
святил,
и радость как вулкан
взрывала сердце,
кровь несла по телу
счастье жизни новой,
казалось, навсегда.

А годы, годы шли, летели,
деньги мы рубили
в карусели круга, где царило зло
в напряге битв
за золотым тельцом.
И это стало нормой жизни,
идеологией со старой тризны,
которая осталась
вся в ошметках, но жива,
как вечная беда.
Священников ставало больше,
больше,
но многие из них
оказались, как и мы,
обычными людьми.
И церковь стала часто местом,
куда сгоняло горе с местью,
и ставить свечку стало модно,
но все земное заслонило гордо
доступ до святости любви.
И это — горе новое.
Его еще не многие увидели с земли.
А купола зовут,
и я бегу
за Словом Бога Жизни.
Я люблю.
Но боль в душе
за новый атеизм,
который прорвой
разверзнулся вниз,
и храмы стали
местом драмы,
где души отправляют
телеграммы
с простыми заунывными словами,
часто — в никуда.

Боль времени
в дожде осеннем
и колокольном звоне к нам,
снова затерявшимся
в каком-то
параллельном и злом поле
по неживым кустам.

27.09.2012.

***

Политики, политика
на подмостках, экранах,
в газетах, журналах,
на брифингах, конференциях.
Политики нет!

Она умерла в двадцатом столетии,
на ялтинской конференции
ее закопали навеки,
оставив народам ради утехи
театры актеров и режиссеров
под руководством
федеральной резервной системы.
Ха-ха-ха!

А вам, оболваненным, сцены —
будь-то Кремль или Дамаск,
будь-то Вашингтон.

Белый Дом без прикрас
в каждой стране —
это уборная, а дальше —
сцена, кулисы и коридорные,
что служат как реквизит.

Вас оболванили, люди,
и финт ваш —

бюллетень в выборы.

Не все ли равно?

Все из одного училища,
и согласованы их кандидатуры
давно.

Но рано или поздно,
в день серый, морозный,
упадет поднавозный
занавес сцены

одновременно
по всем континентам
вместе с системой
той федеральной,

банкнотой резервной
и погребальной
для этого мира.
Цивилизация клоунов —
на золотых унитазах
царьки на сцене.
Цивилизация попсовиков,
туфты и сплетен,
умерших книг
и неслышимых никому поэтов.
Цивилизация танца,
марафона скитальца
по кабинетам и суперклозетам,
цивилизация холеных задниц.
Скроется все одним днем,
и из-за горизонта
придет праздник.

27.09.2012.

***

Сегодня я с внуком грибы собираю.
Завтра куплю себе чаю,
сядем с друзьями чефирить
на веранде.
Вспомним бывшее —
как менты день и ночь
шли за нами;
многие пали под песни шансона,
их хоронили шикарно всем домом.
Потом мы разбогатели с разбоя,
и купили ментов, судью, прокурора,
купили всех скопом, уродов!
И стали хозяева города снова,
но уже со значками на пиджаках,
депутской недотрожкой в руках.
И пошло, полетело
все по крутому:
избрали себе сами
власть для народа,
язык ему дали
и минимум жизни,
я так и не знаю —
это деньки или годы,
которые народ проведет на свободе.
Многие наши
уже в профессуре,
кто-то академик в натуре.
Артисты, телезвезды
и просто красивые телки
стали нашими в доску.
Наколки
уже не нужны нам —
по зонам сидят идиоты,
это не нашей касты друзья,
обормоты,
что б было ментам
хоть какой-то работы.

Мы рвались с зимы
пятьдесят третьего года,
мы победили совок,
комуняк,
и за хлебом
они теперь к нам в свой нищак.
Мы их подкармливаем,
и держим в ежовых рукавицах —
хоть и дрянь,
но еще пригодится.
А они умеют играть
свой лохотрон
для народа
и с наглостью
продолжают этим гордиться.

27.09.2012.

***

Просыпаюсь на рассвете,
тучи гонит сиплый ветер,
с хрипотцою подвывая,
в серебре росы купаясь,
меж осенними дождями
и холодными ночами
с непокрытым телом
и остывшими ногами
трудится трудяга днями.
Без продышки
в редком солнце
ветер рвет мое оконце,
залетая в тепло дома.
Я ловлю его знакомый
свежий запах
гор и моря,
не гоню его из дома,
пусть погрееется немного,
хоть я сам продрог.
Истома
с тела теплого ушла
к другу ветру, как дрова,
греть его продрогишим, мокрым.
Я его должник.
Я помню:
летом, как прохладным покрывалом,
от жары меня спасая,
не жалея сил, себя,
он мотался по краям,
обгоревшим жарким летом,
и гнал мне прохладу.
Ветер
с пухом
мной любимых тополей,
ветер, друг мой, из морей,
за которыми скучаю,
много лет не видел...

Знаю,
ветер принесет мне
бриз,
настоящий, с моря,
с брызг
соленых снимет запах,
и ко мне, мой брат,
играться
в жарких солнечных
лучах.
Я люблю его и так.
Даже, когда в зиму
гонит снег
волнами в спину,
и меня, как парус.
заставляет плыть,
и тем он помогает мне:
— Быстрее, а то замерзнешь...
Ветер, брат мой,
часто-часто
тихий, милый...

30.09.2012.

***

Внучке Мафии

Мы полетим с тобой вдвоем
над рекой,
и там где-то вдали
построим мы свой дом,
под облаками,
над рекой,
красивый,
как ты и рисовала,
дом.
Две башни в нем,
и весь в цветах
наш дом.
Мы полетим с тобой вдвоем
над рекой
под солнца золотым дождем,
купаться будешь в нем
под облаками над рекой.
А ночью звезды
с полною луной
нам путь осветят,
и только мы вдвоем
на этом свете
сердцами запоем
с луною вместе
песню о любви к Богу.
Я — Его солдат,
а ты — Его невеста.

01.10.2012.

***

Ты хочешь строить ракету,
ты в космос хочешь взлететь,
ты астронавтом хочешь быть
и принцессой
на другие планеты полететь.
Я помогу тебе построить корабли,
быстрые как мысли и слова твои,
чтобы по зову сердца,
ты улетела с места,
где рождена была в любви,
чтоб корабли
служили тебе верно,
без аварий,
и вовремя ты возвращалась
к нам назад, на Землю.
И полетят они, и полетят...
Ты — астронавт,
и путь вперед,
и нет пути назад.
Назад путь — только в отчий дом,
чтобы обо всем на свете рассказать.
Твоя мечта — летать.
Моя мечта когда-то тоже
плыла так.
Но я летаю в облаках,
в фантазиях,
что посылает мне любовь,
любовь к Вселенной
и Творцу ее
все в новых грезах
вновь и вновь.

01.10.2012.

***

Я помню тебя,
хоть минутоу всего
длилась наша встреча
в начале зимы
в ранний вечер.
По первому тонкому снегу,
в блеске ртутных фонарей,
в светлой шубке
и потоке волос белых
ты не шла,
ты скользила, летела.
Я, с мрачным видом,
грустным голосом
к тебе обратился.
Одна лишь минута!
Но моя скромность
и дикая стеснительность
потеряли время,
и уже не выяснить,
уже не встретить,
лишь только помнить
улыбку света
доброту лета,
которая точкой во мне
столько лет уже
то взрываясь в памяти,
то затухая...
Но в ту зиму
ты планетой судьбы
ко мне прилетала.
Минута встречи —
а помню годами...

02.10.2012.

***

Гребни волн
в искрящихся лучах света
солнца горячего.

Полдня с рассвета,
и сильный ветер
приносит запах
изо дна глубокого
моря штормящего.

Ветви деревьев
качаются в танцах,
закаленные ветрами,
на берегу не устали.

И мы резвимся,
так близко
шквал воды
с пеною, брызгами.
И листьями первыми,
нежно-желтыми,
ковёр травы украшен
осенью.

Небо глубокое
куполom с проседью,
как мудрый старец
озаряется солнцем.

И лень-сонливость
побеждает желания —
лишь бы смотреть,
наполняя память,
которая долго
будет выталкивать
волны бегущие
под солнцем ярким.
И ветер сильный...

От него лишь радость
красоты стихии.
Память...
Уже память...

02.10.2012.

***

Семь томов моих поэзий
положили на весы,
и семь миллиардов
долларов тоже положили
на весы.

Мои тома чашу опустили
вниз:

на удивление всем — перевесили стихи,
а доллары взлетели вверх,
как с ветром лист,
и там их закружило
и по просторам
понесло.

Народ хватал, ловил,
и набивал пальто,
кто в сумку,
кто в штаны,
девицы в место понадежнее —
в трусы.

А ветер нес бумагу,
листья, пыль,
народ хватал без передыху
с мусором, окурками.

Сюрприз и чудо,
чудо над страной —
такая прорва денег!
Это впервой.

А томики, тома лежали
тихо на весах:
комиссия, охрана,
все, кто занимался экспериментом, —
все в бегах,
собирают доллары
как прах.

А томики, тома
лежали на весах —
их бы снести в библиотеку,
но все собирают
денежку
и некому пока читать,
и некому нести.

02.10.2012

***

За гранью безумства
смешались
лицемерство, кощунство
с ложью, предательством,
ненависть, зависть
и среброкрадчество,
неверность и хамство,
и все в диких танцах.
Средь них и солисты —
певцы, аккордеонисты,
народные, в званье, артисты.
Избранных нет,
здесь им не место.
Избранные до черты
не дошли,
лицом повернувшись к рассвету.
Дикие танцы
и все на гробах
своих домочадцев,
земляков, просто так
известных фамилий,
известных родов,
что правили ними
и вели туда, где за чертой
четкие грани
и крест границы.
Но перешли.
Здесь легче жить
и веселиться.

Здесь все святое
не может быть,
здесь только место,
чтобы светить
падшими в падших
страстями смертей —
дикие танцы безумства
во славу чертей.

03.10.2012

***

Вже котрий день
гарячий суховій
на пагорбах столиці.
І пустослів'я стільки літ
зривається і крутить
вихором піски пустелі,
де висохли кущі, дерева
де тільки сухостій
та скорпіони, змії.
У шатрах сплять
місцеві бедуїни.
Їм нікуди іти,
скрізь все піски, піски,
бархани, дюни.
Від нудьги
вони повиють трохи
уночі
і сплять роками.
Авто їх без бензину,
в багатттях палять шини.
Піски.
Згоріло все
і перетерлось в пил,
прахом стали
помпезні тут колись
будівлі.
Зник верховний розбірник,
зникли королівські служби всі
від пустослів'я і брехні.
Дмуть суховії
і несуть піски —
в Сахарі вже закінчилися всі,
соро поженуть
із Каракум.

Оце так сила пустослів'я
матеріалізована
в пустелю.
А суховій гарячий
сушить бідну землю.

03.10.2012.

***

Юля!
Наши прокуроры говорят,
что ты грешила —
четырёх быков как будто завалила.
Юля, ты завалила больше:
миллионы мужчин пали,
когда ты улыбалась
или сводила брови.
Я сам упал.
Потом поднялся,
опять упал,
долго валялся.
И до сих пор люблю тебя.
Я убит тобою
наповал.
А прокуроры, Юля,
не мужчины,
они клошарят со своими
женонелюлями,
ты их прости.
Не удивляйся, Юля,
они — мужланы,
они холуиствуют всегда
перед властями.
А мы убиты, Юля,
но с тобою живы.
А те быки-гробы? —
так все же знают,
что не ты.
А грех твой в том,
что Супченка-Ковму
считала мужеродом,
служила для страны, народа,
боролась с терриконами
после универсала.
Твоя, Юля, вина...

Но ты хотела все сначала.
А нужно было в бой,
и засадить в тюрьму,
гурьбой, десятки
олигархов, политглавков,
ментов, что при лампасах.
Но не было в тебя
рядом парня-рубахи,
офицера по крови благородной,
чтоб нечисть всю убрать
из страны, что стала преисподней.
Твоя вина.
И ты должна страдать.
Но крылья рано опускать,
еще придет твой час,
и ты взлетишь.
Но снова, как-нибудь
не правь страной,
советников возьми,
с сердцами полными любви
и мудрой головой.
Терпи, Юля,
люби.
Мы за тебя — горой.

03.10.2012.

***

Есть горизонты высоты.
В них коридоры
для полетов самолетов,
и в них без всяких там границ
плывут мечты.
Мечты взмывают вверх
все выше,
и часто остаются там —
нам видно
их очертания звезды.
И много звезд на небе
были мечтою чьей-то
вместо хлеба,
душа насытить не могла
себя земным,
она рвалась туда, где дым
далеких неизведанных миров,
туда, где нет конца движению
вперед.
И я мечтал, и грезил
о любви,
я так хотел летать,
увидеть свет
других планет.
Мечты вздымали, поднимали,
и целый город в небесах
построил я в мечтах.
Вокруг моря, леса и горы,
и тишина, которой нет
в мирской природе,
здесь крика нет людской злобы,
а только птицы.
Соловьи горят в любви
к Творцу Вселенной.
— Подожди, —
я говорю себе. —

Еще немного, и возьмешь
свой верх,
верх, где мечты становятся
живыми,
где мир любви
и бесконечности пути.

04.10.2012.

***

Хоть вы такой
большой и грозный,
но вам придется
слезть с трона
по веревке,
что из полотенец и мочалок
в бане вашей
навязали
ваши верные вассалы,
где вас драли, отмывали,
лавровый венок там дали.
Бандпартийку вы склепали,
вышли с нею в дурь народа,
и поднялись выше слога
от которого пошли.
Дурь народа вы нашли,
на нее влияли дурью.
И народ попался.
Тюрьмы, зоны, кистени
были всем родней родни.
Долго сказки мотыляли,
в это время сильно крали,
да не крали —
просто брали:
все лежало, как в отвале
терриконов — ваших гор,
на каких взростал террор,
где любовь была
лишь к бабам —
в дни гормональных всплесков
вы их брали, драли,
а они слова кричали,
где о любви что-то звучало.

Дальше — больше
вам хотелось,
и вы рвали всех по телу,
по живому,
там где сердце,
где душа —
не полотенце и мочалки из бани вашей.
Там лизали вас как шавки
ваши сбитые в бандстаю
выбросы из ада.
Знаю, больно будет всем.
Олигарх и политмен,
чинодрало и менты
все пройдут чрез люстробани
и за тын,
за которым доживать.
Родину не вам спасать.
Новые восстанут силы.
Это будут люди дива,
а не вашей грязной ксивы.
Все сравнивают
как в саду,
новую введут систему
правды, милосердия,
и цены
жизни возрастут,
истины с небес сойдут,
Бог управит
и поможет
расцвести стране,
и, может,
мы примером станем миру:
сад-страна в любви,
но не к кумиру.

05.10.2012.

***

Осенний дождь
смывает тихо
желтый лист
и мысли миг:
грош цена стране великой
Святой Руси, —
и тут, и там, —
где юг и север
разделили вихрем
и дали себя ограбить чисто
своре олигархов-инородцев,
которыми еще сегодня
и гордятся ловко —
их мощностью ума
и знаний,
их прощелыжеством.
На кон
легли не пистолет и нож
бандитский,
а шут-король
и свита,
что что-то будто лижет.
Король распертый
собственным величием
и дурь закрашена,
закрыта чьим-то
нелепым гримом.
Король сменяет короля,
а олигархи
как фигня,
иль банный лист
на заднице страны
опущенной и опустошенной
материально и духовно
от орды.
Святая Русь!

Все говорили, что дала
себя распять
Советам, коммунистам.
Глядь!
Сегодня ее просто
извратили,
и извращенцы извращенно
всю растлили,
как шлюху в придорожном
кабаке.
Великая страна
в изорванном нечистом неглиже,
последнее уже,
что в ней осталось —
остатки человеческой души,
объятой пламьем.

08.10.2012.

***

Рудименты советской эпохи,
как кучи экскрементов
засохших на солнце,
талисманами стали для нас
от языческих богов.
На них устроены нашей
новой жизни основы,
наспех,
но видно уже,
что надолго,
по законам наития
тайного братства
комсомольцев-отступников
и коммунистов без ума, чести и
совести от вчера, сегодня и завтра.
Мы верны им остались,
и верность эта
стала верой и правдой.
Все, что нам говорят,
наущают и учат
мы принимаем,
хоть и запахи чада.
Поклоняемся этим кучам
дерьма, что лежат
повсеместно.
Одиночки, оторвавшись
от общества,
против идут
и зовут, и зовут,
но то крики
в лесах недоступных
и страшных.
А здесь все так четко
расставлено
в строе,
и мы в нем согласны.

А те одиночки, может,
в чем-то и правы,
может, и есть где-то
новые стежки, дороги,
но попробуй уйти
от страны,
где все так привычно
и ничто не тревожит.

09.10.2012.

***

І знову осінь
вся в хризантемах.
В росі купаюсь
і не знаю
чи буде дощ,
чи сонце ясне.
Птахів мало,
вже відлетіли,
лишилось вороння
та горобці пухнасті,
чинні, —
цвіркочуть на моїм подвір'ї.
Аж ось вогонь,
і вибухає світ:
червоне сонце,
на небі цвіт —
рожевий, білий та вогненний.
Я на подвір'ї
молюсь Тобі
за юність в щасті,
любові злет,
за те прекрасне,
що я хотів,
за осінь ранню,
свою, останню
перед світами в далечінь,
коли кохав,
коли летів.
Усе це — вперше
і востаннє:
осінь,
любов,
шлях далекий...

09.10.2012.

***

Мыслители-гении были всегда.
В избытке было в мире ума.
Красивые фразы, отточен язык,
лилейные речи,
а на выходе — пшик.
Ум заводил всегда лишь в тупик,
как бы не строил цепи
событий,
как бы не исследовал
смысл своей жизни,
как бы не двигал науку
вперед,
а там — лишь тупик,
темень и ров,
или высокий забор,
небо закрывший
и звездный просвет.
А мудрость постичь
просто, легко, —
страх лишь Господень
начало ее.
И от страха небес
жить по Закону
Слова, как Сын и Отец,
Духом Святым
наполняясь как овин
зерном урожая —
не многих удел.
Мир поглощает и тянет
на свет
неоновых ламп
заведений утех
жизни ночной,
где горит все внутри —
красивые женщины,
деньги
и ты.

Пьешь наслаждение
коротких годов,
что жизнью отведены
для земных страстезлов,
и ум поглощает
своим я тоску,
которая ляжет
змеей на доску
стола
и в углу
будут бесы стоять.
И стон
сердца остывшего
гулом в груди,
удары неправильные...
— Уходи! —
жизнь тебе скажет.
И черный забор...
А мудрый
с улыбкой
встречает
укор
судьбы, что неловкой
бывала не раз,
судьбы, что сводила
слезы из глаз,
судьбы, что и била
и стоном грызла,
судьбы, что кусала,
но не взяла
сердца любовь,
оставив ее там
навсегда.

09.10.2012.

***

Вся жизнь на ходу
и люди бегут —
кто из дома, кто в дом.
Всё быстряком:
детсад, школа
и универ.
А потом — работа
ломится к тебе в закрытую дверь,
до пота седьмого,
с утра, и весь день.
И ночи проходят
в размышлениях,
и тем сколько в уме:
а что там сказали
вам на бегу?..
А кто-то смурной
и прячет глаза...
И денег я должен —
полгода пахать...
И дети — не дети,
не так, как в людей:
сын стал ментом,
а дочь, как «лимон»,
тот, что жиган,
в песнях шансы.
Дочь по ночам
в гоп-стопе торчит.
Жена — не жена, тут
возраст ее —
камнем на шее,
ружье без стволов.
А молодые бегут.
На ходу
с ними балуюсь
и деньги за кайф я плачу.
А годы идут, и все на ходу.

А тут вирус в стране
двадцать лет
на беду
за наши грехи —
политес на мозги —
выборы, выборы
вожаков без ноги,
что на ходу
поспешно, бегом,
тырят и правят,
и лезут в ваш дом
со своими законами
склепанными в час.
Всю жизнь миллионов
раздолбают в прах.
И нужно терпеть,
и нужно же жить
и так, на ходу.
А сердце стучит
не очень ритмично,
и бело лицо.
В церковь бы мне
на минутку... Потом...
Когда все закончу.
И кончится гон
за хлеба куском
и копейки.
Жизнь пробегает
в работе-тоске...
Но я не спиваюсь,
снятся лишь сны,
что я уплываю
в речке-вине.

11.10.2012.

***

Осень, осень...
Ветра холодные приносят
комки из черных туч
дымящих —
по небу серому
ненастье,
и резкий снова дождь.
Мгновенно
земля покрылась лужами,
и время костер разжечь,
здесь, у реки,
где ветки падают и листья —
огоньки из золота
сверкают по земле.
А дым костра пьянит,
и кружит голову
осенний танец.
Мне так легко:
и твой румянец,
улыбка глаз сияющих —
мне вместо солнца.
Мария-девочка
в цветах осенних
натюрмортом —
подарок маме, папе, брату.
Мария просит,
чтобы танцевал здесь
с нею,
и я, отбросив ложную стыдливость,
закружился в хороводе
с девочкой в осеннем диве.

А ветер
цветы склоняет в поклонах
Творцу за вечность
счастья, что плывет
рядом с рекой,
огромом.

11.10.2012.

***

Скажи-ка дядя Буш,
а ведь не даром
страна огромная, СРСР,
в расцвете славы
сковеркнула сама себя?
Упала как от огня,
и разделилась на дома,
и новый строй ввела сама —
под вывеской демократии,
свободы
пришел капитализм из либералом,
в которого из попы
торчали рожки, рожи
существ страшнящих.
Верно.
Потом пошла большая
гопа-стопа,
Тащили все по списку
установленному.
Что ты!
Все согласовали
спецструктуры
из стран великих,
где плывет поток культуры,
где правда, вроде, и свобода.
Фигня пришла к нам
из-за забора,
и конвертация на
лист зеленый,
называемый «капустой»,
и вывоз этого листа
назад, где густо
банки имперские
и честь на их знаменах.
Под ветром, солнцем
выгорают

и не стойка
та честь —
под ней двойной стандарт:
за деньги они готовы
в руки каку брать,
хоть герцог там
или принцесс кумир.
Принц какой-то,
из под короны смотрит
в мир,
но в них и деньги и свобода.
А демократия — народам,
придумана в тайных
постелях
закрытых орденов,
где телом
решали все вопросы
независимо от пола попы.
Триллиона три ушло
из бывшего Советского Союза
в банки те имперские,
и лужи остались по Руси,
где снова бездорожье,
а деньги — в пополаме
тех элит и нашей своры.
А что народы?
А ничего.
Они забиты политграмотой
информационных средств
уже
по самое ниже
и дальше некуда уже.
И революций дым,
где пыл
свободы плыл,
на мелкие какашки извели
и те, и эти
в клозетах теплых.

И газ от газовой принцессы,
что сдуру, смолоду
попалась
в узду тех тайных «генералов»
специальных обществ,
где нормальных не бывает,
где вся свобода умирает.
Но их бабаты, калифаты,
их ордена и чмо, что в хате
в свободе —
до поры,
Бог не простит,
придет время —
отворит
врата низов,
где будут их варить
в смоле и сере
за умы, умы засорившие
народам всем мозги.
Но все-таки,
хоть злые,
но умы...
А ты в телевизоре сиди,
и на выборы ходи,
бюллетени-километры все смотри...
Народ!
А люди где?
Люди-то есть,
но ты, пойдди, найди...

11.10.2012.

***

Я из осени сегодня
сквозь дожди, туманы
возвращаюсь
в свою осень,
где память лет с проседью
меня не оставляет,
просит
вернуться вновь туда,
в юности года.
Там тоже шли дожди
стояли лужи и туман,
но непогоды не было тогда,
а лишь веселье
и обман,
что впереди мне — миллионы лет,
смерть есть и будет,
но не моя.
А я любил тебя,
ждал и упивался нежностью тогда.
Счастливых дней осенних
уплывала череда.
Коротких встреч картинки
память держит цепко,
навсегда.
...Осень та была моя.
Сегодня тоже осень,
счастьем переполнена, тревожит.
Но та была моя...

13.11.2012.

***

Прокачка страха по стране
через канализационные системы,
набранным извне.

В большом количестве в дерьме
плывет и накаляет атмосферу
опоры власти —

чиновничьи просторы,
служивый люд

с бюджетного кормила,
людей в погонах,

чтоб власть боялись и любили.

Народ хотелось тоже,
поэтому усилили давление
по трубам.

Но негоже

народ пугать,

что сир и так, и подневольный,
сплошь батрак.

Народ, частично, надышавшись
в местах отхожих

с канализаций,

трухнул.

Потом подвыпил,

подгульнул,

ну, типа, кума кум

под яблоней в саду,

тишком.

Озверел от наглости

престола,

и начал гнать свое туда,

где трон.

А там от запахов — облом,

ведь не привыкла

власть с хорьком.

Она изнежена,
ухожена быдлом,
что из народа служит
в поднаем:
стирает, моет,
варит, подает.
Власть изнежена,
не воины они.
И эти выборы,
что черт возьми,
на года два перенесли,
пришли...
Пришли, сука, пришли!
Выиграть их невозможно
так и этак,
и только технологии,
что плебсу
извне всегда готовы
подпродать.
Вот, блядь,
житуха у князьвы!
Живешь, балдеешь,
а тут вы,
народ!
И нужно побеждать,
любой ценой.
И Пидрахуя где-то взять,
и деньги, деньги
на подачки —
на гречку, макароны, масло,
и так по гривень сто
козлам.
— Потом, — сказал главкормящий, —
я им дам.
После победы
я свое возьму,

хоть тут и не Берлин,
а все свое,
но я им оттянусь.
...Растет давление по
старым трубам,
и не смех —
а, вдруг, рванет система
в день волеизъявления
и бахнет сразу все?
Повалит по стране
дерьмо,
а, может, пронесет пока?..
Но что-то красный весь
в телевизоре мелькает
министр ЖКХ...

13.10.2012.

***

Сиротливо горело
в твоём доме окно.
Это было настолько давно...
Но я помню и вечер тот поздний,
и я помню лицо твоё в осень,
что светилось в нитях лучей,
истекавших из окна на ручей
от дождей, что почти каждый день.
Дом твой маленький, лес и ручей...
Рук озябших тепло,
от тебя поцелуев горячих волна.
Сеткой дождь наплывает в окно,
мелкий, мелкий, а мне — все равно.
В грустных мыслях
о времени том,
что сменилось зимой,
зимой долгой такой,
кратких встреч
разорванных лет
в цепь мне уже не спаять.
И лишь памяти, памяти свет
озаряет те дни,
которых давно уже нет...
Но что-то от них
во мне все горит и горит.

14.10.2012.

***

Кресты и женщина
на фоне куполов.
Церкви лишь фон для нее.
И страшно стало мне.
С вилами мужик
бежит, бежит —
играет, вот артист!
А грязи, грязи по стране,
как терриконы, —
все мусор, мусор,
и не чисто в общем нашем
доме.
Билбордов и знамен —
полки,
они стали живыми
и пошли
по наши души.
Их штыки пребольно
ранят,
и кучи покалеченных
лежат и стонут,
почему-то в банях.
Бани наши —
как лицо страны:
там и секс, и лечат там,
и шуршат о чем-то важном
пацаны.
А на участках
кандидатов во дворец —
не счесть,
и много под фамилией одной:
это технологии
или семейный, родственный, прием?
И ходят-бродят борды по стране,
шагая бодро по земле,
а, может, это снится мне?

Я видел бордов тысячу,
они бесились,
им было весело,
пили горькую, резвились.
Железки крашены, одеты в пластик,
а силы ещё той.
Женщина и футболист
в борде вдвоем,
подсветка изнутри —
тонкий, но глупый, прием.
Церкви стали фоном
и кресты...
Это конец концов,
или еще грести?

14.10.2012.

***

Руссократия, украинофобия,
белоруссолюбие, казахстано-баю-бай,
спи, советик, засыпай.

Почитай что двадцать лет,
Советсоюза больше нет —
сам себя казнил, подвесил,
яму вырыл, лапы свесил,
и свалился враз с копыт.

Мало слёз, но загребли
по языческим канонам —
труп сто лет будет надломом
через два материка.

Тут и воля подошла —
поколение уже
выросло на волелке.

Русской вольнице
во поле, что не ровня тем полям
Бородинским, Куликовым,
Курску и его дуге —
поле вольности — в блаже.

Крови, крови,
как в реке воды,
кладбищ тоже — до нельзя.

Идет дура-война,
умных войн и не бывает,
все они глупы до края,
но чтоб так —
свои своих?!

Воины от кистеней и бит,
группировок-партий кланы,
касты,

олигархи,

трупы, трупы, трупы...

И конца нет псевдосвободе,
лихо правится народом.

Как-то даже не смешно,
и не плачется в пальто...

Все привыкли к выживаньям.
Громогласы носят знамя,
верные поют им марши,
кто сдурел, тот тоже в масти.
Умные бегут по свету.
Лень разносит люд
как прессу.
И поминки отмечают
по Советской Красной Дали.
Деньги, ордена — другие,
выборы все сплошь
фальшивят,
как оркестр не сложен,
дрянный, —
в ход пошли фанфарограммы.

14.10.2012.

***

Их алчность сильнее их.
Их жадность сильнее жизни.
И основной инстинкт,
плотское,
победитель истин.
Алчность элит из стран,
ставших колониями-рядами,
унижаясь в профиль и анфас
с протянутыми к миру
руками:
им дай бюджет США
и бюджет Европы —
украдут все за месяц так,
людям нечем будет
прикрыть свои попы.
Алчность элит уходящих
сжигает в народах страх
за будущее,
и сам сверхкормящий
вызывает такой отврат
отвращения масс народных
к жадности,
что уже каждый живущий рад,
что он не стоит
у кормила скотных.
Нет ни стыда.
ни духа,
померкли картины ужаса
перед ненасытностью
падших.
Сгорают последние шансы,
и вновь побеждает алчность.
...Растут новые люди,
чуждые этих пороков,
зная, что счастье жизни
не в накоплении иудства,
а в чистом духе.

Растут новые люди
взамен погибноживущих —
их алчность и скверна богатства
развеются вместе с ними.
Слышите гром?
То шагает уже
грядущее братство.

15.10.2012.

***

Отрываясь в оторванной рвани
в бездуховности дней
как в нирване,
но по нашему —
в пьянстве и хламе
философских речей
для болванов.
Земнобытье любви — телом к телу,
земноводными стали уделы
без святыни и страха от Бога.
Сами взрастили себя,
и порода
их как божественной преподносится
сырым.
И порода их недолюбилых,
недолюбимых
и нелюдимых —
пространство людское,
где скотство двуногих
глупее навоза
от скотских хлевов,
гордящихся долей,
что вышли из них
и поднялись над полем,
где пасли коров,
до ихнего бога,
который из них
и для них.
Они его сменят
когда-то другим,
таким же, с полей,
где пастбище,
или же дым
заводов и фабрик,
промышленных тлений,

где все — для народа,
а народ в потреблении,
как средство для власти
и их придержащих,
чтоб на него
подошвой крокодильей
туфли опираться.
Оторвавшись от истин,
истин по Слову,
данных от Бога,
но не земного,
а Бога Вселенной
и миров бесконечных,
но заслоняет собственность
речи, собственность взглядов,
свободы по рвани
оторванных с принципов
и беспринципиальных,
аплодисменты
снимает от рвани
за собственный лоск
и деньги в кармане,
за шик колесницы,
огненной, дымной,
чадящих моторов
автомобильных.
За жизнь, где удача
и выхлоп над сирым.
Небоживотные —
но так земляные,
отрывающиеся
по похотям хотя
и хотя животных,
для них животы —
главный их орган.

Рваные раны,
оторванных руки,
рвущие с рвани
себе не со скуки,
а ради припаса,
веселья и счастья.
Говорящие немые.
Слушающие глухие.
Смотрящие слепые...

15.10.2012.

***

Кугутянський устрій
кугутянських влад,
коли ковдру тягне
кожен сам собі,
і брат — не брат,
і мати, мов не рідна.
Генетична пам'ять —
кугутянський крик,
крадене повідло.
Що це за народ?
Що це за тюрма?
Брат не брату брат,
а тому, де блат.
І така біда,
біль та голитьба,
бо не встиг вдягнутись,
як уже зняли
все, що приглянулось,
місцеві вартові.

18.10.2012.

***

Заблудших в темном круге
ведут нечистым духом
кумиры со старой глины,
погрязшие в грехах.

Но одним им скучно,
и барыши стричь ушло
с дурманенных голов,
которые от горя
не руки к небу, Богу,
а к тайным сослуживцам
черной стороны.

И вера в экстрасенса,
больною душой, сердцем,
становится на ровню
кумиров и божков,

И слухи, сплетни,
враки

скрепляют тайны знаки
больных от каббалы,
и в новой жизни грязи
в темном круге мрази,
в каббале заразы
энергии от беса
рады.

И в каббалу и рабство
заносят деньги-снасти
для ловли новых
падших,

отринувших от Бога,
небесной чистоты.

И ручейки людяцких
мозгов полутелячьих
плывут на тайны
власти от бесов.

И кумир — богатство — греет
от круга черным небом
в зеркальном отражении,
но только до поры.
Темный круг
сомкнется и шариком
взорвется,
и разлетится жизнь
с кумиром на куски.

18.10.2012.

***

Чемодан распираем
важностью дел,
величием, что доверил
ему по секрету Особый отдел —
судеб людских пачки
в архив.
Расстрельной статьи
приговоры судьи,
что утром поднялся
не с той, вишь, ноги.
Жена прокурора
гуляла всю ночь,
и вот заявила
под утро шалавой
рудой,
и прокурор,
в нервах изорванных
ночью в трудах,
с загулявшей женой
и обидой,
в общий поток
расстрельной статьи
бросил и свой
приговор.
И все. В чемодан,
чтоб в архив отвезти.
И чемодан, щеки раздув,
от важности в жизни, еще
проглотнул
пачку тугую —
историкам пыль
истертых судьбою
и временем.
Жил я тогда
в этих местах.

Меня расстреляли,
судили и так,
много не мало, но я
попривык.
И снова услышала мама
мой крик.
Снова родился к любви
на страну,
снова подрос
и пошел на войну.
И снова Особый отдел
оказался как враг,
а, может, и хуже.
Но я не простак —
после великих драм Октября
здесь не сломался
и стоял до конца.
Но все осталось, как было
всегда.
Меня расстреляли,
ни за что, как врага,
мол, мало стрелял
в бою я тогда.
И снова вернулся я
в эту страну,
родную до боли,
где жизнь, как в гробу.
И снова страшат меня
и других,
а рядом пустой чемоданчик
стоит,
и мент с прокурором
что-то кричит
о митинге, где я
обозвал всех вверху
олигархами,
чьи головы
из дракона растут.

И снова — не в масть,
непруха-судьбы,
и снова — статья,
чтоб из жизни свести,
но так:
лет на пять
лагерей лишь всего.
А в тюрьме
бандюган оторвался
на мне —
заточку в артерию ночью
всадил,
по просьбе начальника
сопроводил
на свет тот другой.
Я попрошусь
вернуться, дойти
до этой страны,
что всегда я любил.
Кровью своею
не раз я полил
землю святую
Руси вдоль Днепра...
Но меня не пускают
покуда сюда.

19.10.2012.

***

Город тоски зеленой
для многих был
когда-то домом,
а стал изгой изгоев.
Сады в зеленых листьях.
Клены мне машут ветвями,
ищут
в порывах ветра
верность,
которую я им храню.
Горят каштаны,
сохнут,
и от любви исчахнут,
не излечить их людям,
избравшим путь сверхтрудный
в толпе змеей тянущей
зеленую тоску
улиц когда-то бьющих
улыбкой общей счастья.
Но все прошло рыбалкой
за рыбкой золотой.
Сжаты челюсти и зубы,
глаза потухшие
и губы
синим цветом
на лице заматеревшем
и раньше срока постаревшем
в поисках монет.
Здесь зверство,
продажность, ложь
и лицемерство,
и верность стала
редкой.
Сегодня не в почете верность.
Тоска зеленая,
отверзость дна —
туда бежит змеей толпа.

«И никуда и никогда!» —
такой лозунг
в проводах,
рекламы щит —
отсчет на черные года,
где дикостью бушует
зеленая,
толпы, змеей шуршащей
в улицах,
тоска.

19.10.2012.

***

Унитаз влюбился сразу
после установки
в кровать из спальни.
Годы шли, он журча водой,
хранил любовь свою
все в тайне,
и только мысли и фантазии
гуляли.
Хозяйка небывалой красоты
все счастье и судьбу
свою искала.
Сегодня был усатый господин,
вчера — поэт,
всю ночь о любви стихи
читал ей.
Унитаз терпел, смотрел.
Кто-то ему нравился,
а кто-то нет.
И опозорить мог кого угодно:
зашел любовник,
посидел удобно,
кнопку нажал,
а слив пропал —
сломался винт какой-то...
Удар по самолюбию
влюбленца!
Позор! И запах с унитаза...
Красавица кривила губы
и вызывала мастера.
— Зараза! —
говорили про него не раз.
А унитаз
любил кровать,
и уважал свою хозяйку,
жалел ее,

и намекал, что приводить
сюда мужчин опасно:
сведут с пути, собьют
и уведут к чертям —
там горе, старость, одиночество
и хлам
подарков постаревших,
и грехи.
Хозяйка иногда внимала,
и унитаз, прикасаясь
нежно к ней,
шептал тихонько:
«Посиди, подумай, не спеши...»
А часто оставался он один.
Отъезд хозяйки, тишина,
и без воды.
Он думал о кровати:
посадить ее на плечи,
на себя бы,
и тихонько пожурчать водой,
или залезть бы к ней
в постель
и ночь вдвоем,
обнять ее водой,
и лить, и лить,
как летний дождь степной.
А часто думал он
о своих друзьях,
простых, покрытых ржавчиной
в бедах и нищетах,
и дорогих, из Европы,
в блеске, запахах парфюмов,
и женщины роскошные
там все,
особенно, когда темно и ночь.
Она идет, шатаясь,
полусонная,

а он,
стараясь ей помочь,
нежно обнимает место
за которое готовы
резать, убивать, платить.
О, бестолочь,
эти мужчины!
А есть такие, что унитаза
ставят золотые —
ведь как себя нужно любить,
свой дряблый зад,
обвисший вид...
И унитаз их не простит,
пошлет простуду,
а может и по-другому
навредить —
показать себя народу,
и тот пошлет столько
зла, агрессии уроду,
что денежки украл с казны
на золото для унитаза.
-Ты! —
хозяин пьяный с бабой
придут к нему,
и оба не в себе.
И пнет его ногой хозяин,
опустит крышку
и посадит стерву
в стельку пьяную,
а той — что золотой,
что в ржавчине —
в момент тот все равно.
Играет в ней коньяк,
вино,
и хахаль ейный
мусолить будет тело.
Эх, жизнь!

Сидит и думает она,
как все сегодня надоело...
Так годы движутся куда-то
вдаль.
Хозяйка вот зашла,
одна.
Может, унитаз внушил ей,
поняла.
И трезвая сегодня как слеза.
Арбуз поела, не беда,
почаще будут встречи.
И нежно унитаз ласкает
ее тело,
а в голове —
любимая кровать,
которая сегодня не скрипит.
Хозяйка будет тихо
одна спать...

20.10.2012.

***

На иконах и утвари церковной
многие поднялись ввысь,
материально, не духовно,
торгуя ими всю выделенную жизнь,
воруя в храмах и домах,
богатство собирая
на года.

Священные предметы церкви
отступники и иноверцы
превратили в золото и деньги.
Взмах молотка аукциона
и в личмузей идет икона,
которой тыща лет.

Ей молились, и в ответ
Бог посылал свой Дух Святой,
где исцелял, где побеждал войной.
Сегодня это деньги,
вложение бумажек,
добавление к богатству.

Еще раз и раз
ворованную утварь с церкви
превращая все в дома, машины,
любовниц похотливых.

Мужчины?

Не воины!

Барыги!

Торговцы святостью.

Товар, предметы...

Антиквар сквозь лупу
смотрит в лик
и кривит морду, рыло грязное.
Он так привык.
Сбивает цену
и издает при этом
какой-то нелюдский рык.

20.10. 2012.

***

Ожидание и одиночество —
род средний, —
слова как кандалы железные
и клетки,
за ними — боль страданий
многих, чей ряд
огромный.
Слова, которыми не передать
тоску и боль.
Слова, которыми
в сердцах горит огонь,
огонь сжигающий
на пепел жизнь.
Слова, испытанные каждым,
пусть даже миг,
запомнились
в образах природы,
где туман,
холод ветра,
туч по небу
и обман, что жизнь
всегда такой была —
до нас, сейчас, и навсегда.
Но все проходит,
как проходят дни,
за ними месяцы, года
и, вдруг, вся жизнь
из ярких красок
возвращения,
и ждать уже не нужно.
Нужно жить, не вспоминать.
И одиночество проходит,
как и все, что в мире этом
не бывает вечным.

Лишь только зов
души, что чувствует другую жизнь,
откуда вышла в мир,
чтобы грустить,
познать цену любви.
Миг расставаний с близкими,
и не сойти
с того, что выбран,
нам пути.
И только листьев желтых
осень
напоминает нам,
что бросим мы когда-то все
и улетим, как эти листья,
туда,
откуда вышли,
но память о себе оставив,
чтоб мир немного стал другим
не ради нашей славы.

20.10.2012.

***

Спливає осінь
у далекі невидимі світи,
у Всесвіт
за орбітою Землі,
яка іде від літа в літо,
а осінь в помаранчевім серпанку,
в гарячій золоті очей
спливає Всесвітом
і деś знаходить
час і місце
у відігрітій літом світі,
щоб доля тих, кому любити
була щасливою.
Спливає осінь жовтим квітом
в далекий Всесвіт...
Не назавжди.

20.10.2012.

***

Сбылась хоть мечта идиота —
диван, телевизор
и вести с передовой
постройки,
с национальной особенностью,
капитализма.
А тут и предвыборных гонок
толпень:
реклама, политики.
И мозги политологов всех
набекрень,
как кепки когда-то в шестидесятых
блатных пацанов,
что сегодня нам папы.
Мечта идиота сбылась
по стране,
да и бывшей территории
СССР —
сотни каналов, и спутник летит,
новые вести, программы, финты.
Миллиарды зеленых бумажек
в ходу по коридорам студий.
— Ату! —
я прокричал как-то во сне.
Жену испугал виденьем извне
больших кабинетов и мастерских,
где шлепают продукт для
«національних мізків».
И силой своей я свору погнал
палкой дубовой на самосвал,
что у входа стоял,
всех погрузил
и сбросил в отвал
угольной шахты
имени масти Коммунокапиталист
из Комсомольцев
спецолигарха Присядько-Приходька.

Он получил товар дорогой,
деньги мне дал
и топнул ногой
в сторону своры из телевестей —
канал, мол, открыто
и штат уже здесь.
Мечта идиота сбылась
навсегда,
а всем остальным
моргает звезда
из башен родного когда-то
Кремля.
Боюсь, что дорога
идет вновь туда.
Ну нет здесь мечты,
и нет, блин, путей,
какой-то «добробут»,
стабильность,
да рынок земли,
кодекс стареющих,
кодекс на всё.
Что за фантазии?
И кто их нашел?
Мечта идиота сбылась —
диван, телевизор,
жена и кровать.
Всё сначала опять...

20.10.2012.

***

Великий продюсер
бесчестных времен,
низменных целей,
где сплошь земная любовь
в металлы и лом,
где сила от мышц
духовной опора,
а дух-то не тот:
он — выходец с норок,
темный и злой,
сподвигает на страсти,
на лом, который ломает и тащит.
Великий продюсер
в безвременья век,
щеки надувший
особой своей,
тащит на сцену
людские куски,
аппетитные,
для смягченья тоски.
И песни, и танцы
в зал, стадионы,
для публики разной,
но из этих временюк.
Веселить, разбавлять
скуку с упадком
нравов и целей
взамен припадков
бешенных мук,
для вожделений,
роста богатств
и личных имений,

где спрятаться можно,
гордясь собой, сильным,
и лом здесь запрягать,
как главную силу.
Великий продюсер
через годы лихие
тащит из мира в мир
депрессивный
допинг с кусков
сладких, доступных,
из клиник пластических,
склеенных вкусно,
чтоб слюни пускали,
мечтали, хотели
и напевали дома в постели
слова примитива-любви
без зачатий новых
уродов с украденным счастьем.
Стенаются залы
от грохота звуков
электровакханалий —
постаралась наука!
И сцена в пылице,
и запахи пота
в смеси с парфюмами,
слюной в микрофонах
сливают в коллектор
зала бациллы для мозга
фекалий и бреха
о том, «как любили».
И бесы взирают
с первых рядов.

— Задание выполнено! —
говорят в телефон.
Все по блезиру
плана туфты.
Деградация нравов,
как поезд,
скорый,
летит.

21.10.2012.

***

Генетическая память
тверда как гранит,
через поколения
она все хранит —
грубость, чванство,
предательство, хамство,
желание силой
взобраться на спины,
трудно идущих по пути
неимущих богатств и желаний.
Но потоки из нас
темных страстишек
и упиваний хлебными дарами
для набиваний тела жирами.
Тучными лицами
глаз еле видных
с взглядами злыми,
с огнем незавидным —
пресс-конференция вице-премьера,
желающего стать преемником тела
самого важного на плечах страны.
И он говорит
неправду,
а мы слушаем
злыми мыслями это,
готовы разбить телевизор,
порвать все газеты —
и только на это
нас и хватает.
Генетическая память
страх нам качает
из глубин поколений,
и мир сотрясается
страхом народов,
что в паралич упали.

А черт нам выводит
своих агентов влияния —
они правят страной,
растя таких же, как сами,
для будущих тронов.
А мы все гурьбою
друг друга в толпе
лупим, ругаем,
предаем,
и извне памяти нашей
вылазит чернуха,
и страхом объаты
мы только друг друга
готовы топтать.
Тех, что от дьявола,
нам не достать,
наш страх сильнее,
и тянет назад,
туда, где рабами,
со согнутой спиной,
мы их любили,
мы им служили.
А что делать дальше?
Как с этим жить?
Рядом есть страны,
где все по-другому.
Там умеют любить
Бога и небо,
а нам не дано.
Мы с языками — язычники.
Из плебса —
и плебсом потомков
рожаем
самому Сатане.
Он давно нам не зверь.

22.10.2012.

***

Выборы стучатся в дом.
А за окном
горячим золотым дождем
падает листва с деревьев вновь.
Осень.
Со своею красотой
и обострением психических финтов.
Ночью туманом дым,
дождь тихой водой.
Похолодало.
А утром стук в дверь:
— Открой!
Мы за добром,
что ты собрал в душе,
то что в доме,
мы и так возьмем.
А вот душа — то нам, —
так старший все
распределил, раздал.
И осень меркнет
в красоте своей,
и мне не до любви людей,
мне не до женщин,
и не до красоты.
Мне б душу сохранить
и ноги унести.
Но в них границы на замке,
они забрали все в стране.
Но промолчал народ,
как в параличе,
с вакциной страха.
Вот так сила
править стала.
А выборы — игра,
и то, так, для начала.

Еще не всё они
нам показали.
И что за жизнь пошла?
Дебилы восстают
и правят.
Дебилы учат новых правил,
больные тон задали,
больные, что другие,
приняли часть правил,
а часть осталась,
ни к чему бы, вроде.
Но примут все от страха,
в этом диком
нелюдском хороводе.

23.11.2012.

***

Гость ко мне пришел
непрошенный,
надутый и смурной.
Жена стол накрыла быстро
с вкусною едой.
Но он не стал обедать.
Забрал еду и стол,
салфетки, зубочистки
и на полу ковер.
Затем собрал кастрюли,
посуду, сковородки,
вилки, ножи и ложки.
Начал выгружать все
с холодильника,
но что-то прорычал
про партию,
что борется с противником,
и, запихнув назад
продукты,
забрал все с холодильником.
Фрукты
забрал со столика в углу.
Зашел и в ванную,
напевая что-то про угу-угу,
забрал зубную пасту,
щетки, мыло, шампунь и кремы,
туалетную бумагу,
полотенца,
быстро вышел
и начал книги паковать,
картины.
Затем из шкафа
доставать белье,
одежду.

— Вот скотина! —
подумал я. —
И что за партия
там правит,
откуда же она пришла,
а, может, на наших плечах и выросла?
Потом он вытащил
тумбочки, кровать,
нервно подошел к жене
и начал силой раздевать.
Я тихо прошептал,
что очень душно,
открыл окно,
снял обручальное кольцо,
поцеловал его,
и гостю показав,
бросил в окно
на проходящий самосвал.
А гость, не думая секунды,
оставив полураздетую мою жену,
«щучкой» ушел в окно
с шестого этажа,
туда, где гул моторов
тянувшихся машин,
и осень рыжая,
и листья по бульвару,
и утренний туман,
а, может, это выхлопные газы,
дым, как городской обман...

24.10.2012.

***

День выборов пришел,
день волеизъявления народный
нас нашел.
Кого в постели, кого на даче,
кто-то в лесу грибочки прячет —
лес олигарха, —
чтоб не застрелили,
как когда-то.
А я уже с темна здесь,
на участке.
Играет музыка и девки
в трусах скачут,
поют все о любви трагичной,
кто-то кого-то отравил
прилично.
Я потанцевал в такт музыке
немножко,
и только дверь открылась
на участок,
я первым предъявил
свой паспорт.
И с бюллетенями в свете ламп
вошел в кабинку,
ну а там...
стол с продуктами в углу,
гречка, рыбные консервы,
грибы, капуста в банках
(с СССР еще),
и водка русская с вином,
и двести гривен.
Я бюллетень бросил в угол,
открыл бутылку водки зубом,
открыл консерву,
перед этим спрятав глубоко
в штаны я деньги,
и начал первый тост —

за Ленина и Сталина,
и вспомнился еще и той
революции матрос.
Второй тост был
за Брежнева, Хрущева,
за стройки века
и себя тогда такого молодого.
А третий — за вождя с сегодня,
ум его, что перестал уже
с утра меня тревожить.
Дорога, по которой мы
идем...
Тут мысли мои рванулись
пополам —
в кабинку зашла
мадам.
Прекрасная собой,
брюнетка, полненькая
страсти.
Что со мной?
Я онемел.
А она смело так взяла
вино,
и говорит:
— Налей!
И начали мы с ней
гульбу,
а вскоре — первых поцелуев
счастье,
грудь ее открылась мне
сама собой,
как выпорхнула с платья.
А дальше — секс
на бюллетнях метровых.

Заходили люди,
брали продукты, деньги,
что-то говорили нам о детях,
о долгом счастье.
Но, вдруг, менты.
И поволокли на другой,
ментовский свой, участок.
Я деньги потерял,
любовь и голос —
бюллетени я так в урну и не бросил...
А утром, на похмелье,
голова трещала
как забор.
Менты что-то писали
на работу мне,
а я считал,
когда же выборы
опять в стране.

24.10.2012.

***

Гроздьями рябина
в листьях золотых.
Дождь со дня вчерашнего
вроде бы притих.
И стекают капли
с ягод на траву,
вымытые за ночь
птицам на еду.
Солнце редким светом
без огня лучей
из сырого неба
греет осень.
Свет
на хризантемах
и любовь в груди
возвращают в осень
сорок лет назад.
Там любил я очень,
да и в первый раз.
Глаза ее тишайшие
полные любви
ко мне ночами в осени
радость принесли.
Навсегда жжет память
и горит в груди —
ночью той последней
уходя сказал ей:
— Жди...

24.10.2012.

***

Отмотала мотом,
русским, без затей,
жизнь, где я возглавил
данный мне удел.
Было всего много:
и любви-вина,
пробежали слезы
из глаз скупых.
И дна
видел я потемки,
поднимаясь вверх
в солнечных вершинах
голубых небес
с крыльями от Бога
по кругу Земли.
Поднимался в гору,
там где Марс в пыли,
где Луна и камни,
обрываясь вниз,
в жизнь свою реалий,
но сплошь — сюрреализм.
Разочарован горем
мученных людей,
я спускался к аду,
где кипела жизнь —
их таких, как я ,
там много,
и «Держись!» —
говорил я многим,
руку не жалел,
но душа в потемках,
и я заматерел.
Волком серым лютым
резать хотел Кремль,
а потом Канары,
где себя лелеяла
с Печерска шелушень.

И точил я зубы
стали неземной
на всю власть-приблуду,
что звала с собой.
Но я верен стае,
верен до конца,
пусть и погибает,
там, где с верха протекает
гниль и чернота.
А потом спокойным
стал от неба вдруг.
Легкий ветер, буря —
все мое,
и слух принимает
в счастье
вечный зов любви
мира, где
я начал путь свой,
и где пути
моего народа
наперекосяк пошли.
Но верю —
мы дойдем до Бога,
минуя
бесов гвалт.

24.10.2012.

***

Сплошь да рядом
на выборы в парламент —
типа независимые —
кандидаты.
Сплошь да рядом —
эти ушлые ребята.
Партбилеты пока прячут.
Опозорились партийцы.
Править людом
оказалось ой непросто
после помаранчевых прелюдий.
Опозорились воришки
и с мозгами —
части тела этой
мало оказалось.
Только страху напустили,
как испарений,
с выгребной совместной ямы,
и под страх естественно,
как и бывает,
попали сами.
Партбилет теперь не стоит
и копейки.
Партбилет стал
опасным, как бритвобрейка.
Но придет еще их время
по расчету,
на плацу перед баракom
их построят,
и по номерам,
не по фамилиям знакомым,
перекличка вечерняя по зоне.
А заводы, земли, пароходы —
все отдадут государству
за налоги,
которых не платили.

Опозорились партийные
хлебалы и вертилы.
Сами себя низко
опустили, потому что
совесть потеряли —
целый день рабочий
только воровали,
только ввали.

25.10.2012.

***

Облака белые плывут,
не ведая,
что там внизу и что за ними.
Гул моторов мощных
серебряной птицы —
самолета.
Люди внизу,
с утра пораньше,
забеспокоились и заметались,
кто в погреба, кто в подвалы
домов,
кто просто между камнями,
и руки к небу,
к Богу —
не хлеба, воды,
а жизнь сохранить,
особенно детям:
— Детям дай, Боже, жизнь!
Медленно люк открылся,
и чрево самолета оголил он.
Оттуда бомбы —
металл с тротилом.
Привет от демократии,
чтоб только ее вы любили.
Вой болванок железных, вой.
Слезы внизу у женщин
рекой.
Ложатся как птицы
на своих детей,
тела не хватает у них
на всех.
Я б землю всю закрыл
своим, если бы мог,
что мне тротил
от этих вельмож.

...Взрывы, взрывы, взрывы.
Ищут членов Аль-Каиды,
но где они?
Здесь только селение,
бедное, средневековое.
Омерзение.
Дым, пожарища,
крики вдов и сирот.
Много погибших, раненных.
А у этих детей пропал и дом,
а у тех нет отца.
Небо чистое.
Облака.
Белые, белые на виду.
Американцы с Сытоевропой
за тысячи километров
несут людям беду.
А она, сделав грязное дело,
там, на востоке,
вчера пьяная в жопу,
танцевала в кабаке
с солдатом,
ругаясь матом,
говорила,
я, мол, скоро назад, домой,
откуда выслали силой,
пойду повзрослевшей бедой.

25.10.2012.

***

Пустельноземлі.
Пустельнонація.
Дюнізація, барханізація,
скорпіонізація, змієзація.
Безоазизація.
Піски, піски.
Караван іде поночі.
Нарешті привал.
Шатри, вогонь, кава
і печений хліб —
його заробили
в тяжких трудах бедуїни.
Тихі розмови
глибокої філософії.
Молодь слухає.
Розумні очі.
— А у нас в квартирі газ,
іде з Росії,
дуже дорого щас.
Газ від нас.
Олігархи крутять ціни
аж в сім раз —
їм треба нові машини,
молоді дівчата
та море розваг.
Пустелізація.
Безоазизація,
і чорноземи, чорноземи...
Родить все,
що в млинах мелють.
Росте палиця з верби —
тільки ткни,
а посади,
то все росте.

Але мізки несуть
піски.
Піски, піски...
Пустельнонація.
Тут не живуть,
тут прагнуть жити.
Століття їм торочать,
що робити,
з ким дружити.
Ми слухаємо
тілом,
а душа та серце тліють
у пустелі,
де слова — помиї,
а діла, то як в повії:
чим старіша, тим п'яніша,
мудрість, гроші —
в оковитій,
як піски водою змиті.
Тиша... Тьма...
Пісканізація.

25.10.2012.

***

Доля з долею
не рівня, не рівня.
Доля з долею
не близькі й не рідня.
Доля мчить з гори,
затамувавши подих,
і ти стоїш
у квітах при дорозі,
а інший, поруч,
йде під гору в муках
по ямах та колючках.
Ти летиш і крила,
мов у орла,
все — для тебе,
мати все тобі дала:
красу і розум,
щастя океан,
а ті ідуть старцями
на вулкан, який дихне тоді,
коли зберуться всі.
Голодні, виснажені, мов мерці,
не кожен витримає цей підйом,
не кожен...
Розплавлений вулкан — не сон,
там магма заливає все,
вогонь і попіл на тіла,
і хто їх там спасе?
А ті летять, і коні молоді,
і гриви грають на вітрах,
і золотом блищить
прикрашене сідло.

А ті все йдуть,
кривавлять шлях.
Обірвані, самотні,
молитва на вустах.
Все, що є у них, —
хвороби й молитви...

25.10.2012.

***

Бидлокумири для бидловіри.
Стали святими
несвятовіри
цілі ряди
людям зневіри
спортсмени та шоузвірі —
артисти віри,
що собі вірять,
та ще і в гроші,
що від невіри
стали святими.
Такого гвалту, таких розбишак
давно не бачив світ,
що згас
для чистих намірів і справ.
Усе спаплюжене,
і правди стає дедалі менше
в полі,
в яке країна
з кров'ю увійшла,
як вже було не раз
в недавній ще історії про нас.
І ллється кров по бороді
савців, що вирости тоді,
коли затихло горе по війні,
вселенське горе,
і коні
ще їздили
по хліб із цілини.
А нині посіпаки,
вже старі,
зібрали молодих,
що до крові звикли
ще з дитинства.

Не любити їм нікого,
тільки кумирів
зі спортивних бидлоарен
та підмостків сцен.
Кумири світу,
що здихає в вирі
безчестя та розпусти
розбишак.
І час їх
не на день чи два —
вони зіп'ють всю кров,
а потім
жертв будуть люд,
який на це зростив
себе.

27.10.2012.

***

Колизеи, ринги, стадионы,
ипподромы, бассейны, сцены.
Гладиаторы, футболисты,
боксеры, артисты, наездники...
Публика воет, кричит, сатанеет,
публика курит, пьет
и не пьянеет —
она дуреет.
Безумие времени
в дыму невидимом,
клубящемся, плохо пахнущем.
Очевидно,
нравы остались прежними —
зрелища, зрелища
и своевременно.
Кумиры сами ум теряют
от болванов с символикой
замирают.
Время в прорези глаз
столетий —
ничего не изменилось,
поверьте.
Народы плетутся за собой
сами,
считают, что обмануты
врагами.
Враги не спят
и используют время
в прорези глаз тысячелетий.
— Зачем к вам приходил
Бог?
— На убийство Себя.
— Но Он мог и вас...
Он спасал в любви
безутешных.
Вы поверили Ему,
и стали еще более грешными.

Нить тянется шнуром бикфордовым,
там динамит, привет от Нобеля!
Это поможет нам.
Мы в горе становимся
чистыми,
мы в горе спасаем ближнего,
мы в горе — к Богу.
Нам горе как дорога.
Нас губит радость наслаждений
еще с римского Колизея
до олимпийских стадионов
нашего, в прорези глаз
плохо видного, ничейного времени.

27.10.2012.

***

— Урла пришла!
Урла пришла!
С меловых холмов
Луганска
спускалась банда,
под полтыщи битюгов,
в конце тридцатых
пламенных годов.
И век двадцатый
дрожал от тех оков,
которые ковали диктатуры.
— Урла пришла! —
кричали дети,
прятаясь,
и прятались коты и куры.
Бандиты грабят город
среди бела дня.
Милиция стрелят,
стреляет и урла.
Все попритихло в крае том.
Но осталась урла —
умнее стал блатной.
И вот их время золотое.
По перестройке Горбачева,
валя Союз, как бочку
с пивом,
урла поднялась —
память
генетически хранила
все то, что не успели
их предкорыла.
И создали свой новый
строй —
шабаш чертей.

А за горой,
куря сигары, Сатана
бросает им идеи.
— На!
И он хватает
в руки кубок
из черепа ребенка,
касается губами,
а зубы
хватают череп
как тиски,
и пьют вино.
— Пошли! —
сказал старшой, —
И весь шабаш сегодня мой!
Возьмем и горы меловые,
возьмем и шахты углевые,
возьмем здесь все,
потом — страну!
И взяли двадцать лет назад
ее в гульбу,
где ведьмы пляшут,
колдуны,
где день и ночь
идет шабаш на крови.
Это — не строй.
И не совдепия урла,
не капитализм бабла.
Это — шабаш.
И главный гость здесь —
Сатана.

29.10.2012.

***

Антихрист миром ходит тихо.
Сгорбленный, седой,
пиджак подратый,
весь как сито.
Штаны короткие, в заплатках.
Усы. И бородатый.
Что-то шмякает
беззубым ртом,
запах от него паршивый,
пахнет фуфлом.
В карманах, сумке — деньги,
их просят у него.
Стоят, не бедно одетые:
дамы, господа,
обвешанные золотом,
в огне бриллиантов —
вот это да!
По виду — нищий, бомж,
бродяга,
а пачки достает тугие.
— Нате! — говорит, —
Но мне, взамен, — душонку.
Не бойтесь за нее.
Она послужит мне
чуток, а я затем
верну ее назад.
И дамы с господами
отдают
нечистые душонки,
как кляп изо рта старчонки.
А он — душонку в сумку,
под замок,
и денежки, и золото
дает, дает —
бездонные карманы,
миллиарды растыкает за день.

Случайно
я увидел эту сцену.
Горбатенький старик им
говорит:
— Сегодня всё.
Кто там последний?
Не занимайте очередь.
вас много.
Я устал.
Но дамы с господами —
в слёзы, просьбы:
— Ну обслужите,
обслужите нас!
Мы так хотим!
Мы вам послужим тоже.
Вот хоть сейчас:
накормим и напоим,
помоем тело вам,
одежду постираем,
обцелуем,
и усладу вам — любую!
И сдался старичок,
и мягко говорит им:
— Не нада мне еда, одежда,
не нужно мыть меня,
и секс мне, старику, не нужен,
вот, разве, деточкам моим,
мажорам-сыновьям,
пусть побалуются с вами,
господа и дамы...
— И секс, вино, еда —
да, да! —
орёт богатая толпа.

— Да, да! —
кричит и бедная толпа,
что как-то тихо
с флагами партийными
с митинга слиняла,
и, боком, боком, подошла.
— И нам дай тоже! —
рвал глотку активист партийный.
— Тоже!
На все согласен!
Лизать вам зад пойду,
лишь бы мне денег, денег!
Тарарам такой.
Спокойно
я смотрел со стороны,
да и нет сегодня дел.
Я с выборов пришел,
волеизъявление свободное,
да, да!
Но удивило здесь другое:
не тот старик-антихрист, —
несчастный,
не знает еще
с кем связался, дурак без башни.
Удивило то, что там
стояли кандидаты
на выборы в свехату,
и прочие высокие чины,
и деньги брали
у горбатого старого,
а сами-то богаты!
И им мало оказалось
сверхвысокой хаты,

постов руководящих в государстве —
так они еще
антихриста оббирают,
вот собаки.
Какую жадность возбудили
в себе дамы с господами!
И простолюд за ними
стройными рядами...

29.10.2012.

***

Оттенки и тени
в солнечный день осенний.
Играет цвет со светом
и отражает ветер,
несущий листья сверху,
игру тонов, оттенков,
а рядом с ними тени
от стволов деревьев.
Время, которое уходит
с солнцем,
нам оставляет
память гонок
людей, идущих в гору
и исходящих вниз.
Они идут все с тенью
от тел своих в движении,
а те, которых сносит
извне в другую осень,
где мир другой
и очень
пугает нас.
Что ждет там за чертой
невидимой границы
за жизнь в стране,
где птицы
раздражают лица,
что мнят себя святыми
и имена свои
церквям вручают,
чтобы молились бабки
за них, высоких самых,
живущих в людских глазах
под небесами.

И тени их по земле
не движутся за ними —
они приходят ночью
в кошмарных снах
народу
в виде теней-страшилок
из преисподних ссылок
с зубами в полурот,
отточенными в нож,
и в снах сердца мертвеют,
люди встают с постелей,
покрыты потом льдины —
холодным и противным.
А как же небеса?
Оттенки цвета там
всегда приятны глазу.
А тут такое сразу!
Из поднебесья бесья
теньями правят вместе
с избранниками мести
из орденов не с жести,
из лож, но не театров.
Избранники-солдаты,
что стали оккупанты
земли своей...
И тенью пролетают,
и тень не оставляют
от алчности и славы —
мотор двуглавый
вместо сердца
им мамы дали.

29.10.2012.

***

Льется вода потоками,
реки бегут быстрые,
октябрь заливает осень
дождями неистово.
А я прорываюсь куда-то
в этой воде
как когда-то,
и цели нет у меня сегодня.
Куда я иду и зачем?
Меня манит дождями осень.
Дома, с окна, в комфорте,
смотреть на бегущие реки,
но я двигаюсь, мокрый,
забыв обо всем на свете.
Крик воронья с небес.
С крыльями мокрыми в холод
им, видно, тоже нужно
отдать себя в осень.
Из листьев еще зеленых
кленов могучих, сильных,
ноябрь на меня смотрит
глазами ребенка.
Иней
на ресницах его длинных,
руки красные, мерзнут.
Он еще юный,
но седым закончит осень.
Вода реками быстрыми
сбегает вниз города
с холмов омытых, чистых,
дождливыми днями осени.

Мысли мои застыли
от холода стихии,
и думать не буду сегодня я
о том, что меня тоскливит.
Реки воды под ноги
льет бесконечное небо,
а я двигаюсь быстро,
промокшее не сдаётся тело.

30.10.2012.

***

Миром идет
без мира
страшная с тенью сила.
В тени ее огромной
народы тянут невольню.
Падшие, оторвавшись
от Бога,
они перекочевали в тень
черной силы.
Неба
не видят, глаза их —
опущены вниз, на землю
в поисках сокровищ сокрытых
обещанных тенью.
И бросив дома и семьи,
сорвавшись с нагретых
постелей,
сбежали многие резво
разбогатеть в богадельне.
И сунется люд снующий
с севера на юг
и обратно, а завтра —
на восток или запад.
Их крутит
как ветер гадость,
которая впилась клешней
в мозг несвежий.
Им бы ветер,
но не пошлет его небо.
И двигаясь, двигаясь
тянет все дальше
застывшая мерзость.
Друг друга в пути
кусают,
и съедают своих же вместе.

Нет здесь и признаков власти,
нет государства силы,
а только призрак богатства,
которого еще не накопили.
И ради его, родного,
оставив дома и Бога,
в грехах, как в болоте, ввязли,
и не повернут обратно их ноги.
Мысли гребут винтами,
двигатель вечный крутит,
тянет те мысли о богатстве
и в мозгах их
колотит и крутит.
Сила большая с тенью
не оставляет люд,
а они не считают себя
сиротами
силе отдавши дух.
И так им в тени
от силы,
вроде бы даже как в доме,
который они просили
в мыслях своих
греховных...

30.10.2012.

***

Нелюдность нелюдей
и любовь людей
на весах как на качелях
чаши вниз-вверх полетели.
Кто потянет вниз весы?
Громогласно нам трубят,
и мы бежим.
Я растерян пред весами,
а они-то все качают:
мне куда?
Грешен я.
Против Бога и людей.
Сколько зла я внес собой —
своим Я, своим хотеньем
жизни лучшей.
В самом деле часто
я за счет людей
жил и богател.
Мне и лестно было так.
В дорогом пальто,
пиджак, как из выставки
салона,
дорогая обувь,
дома — чаша полная всегда.
А весы туда-сюда.
И судим я, как судья,
в этом мире
блотыря.
Кто мне с лестью,
кто с монетой,
но считал —
судил я честно,
Бога заповеди знал,

как хотел так исполнял,
а весы, как те качели,
в парке юности
свистели:
чаша вверх и чаша вниз.
Люди где-то разбрелись,
нелюдность тянет вниз.
Я молюсь от страха к Богу.
Как я мог так понемногу
отойти в такую даль?
Сумерки мои, печаль,
стыд, стыдоба за себя.
Мне судить уже нельзя.
Не смогу я, грешный, жить
так как жил,
а чаша вниз —
нелюдность села.
Как мы в мире озверели!
Как мы Бога невзлюбили
за Его любовь и силу,
что давал нам на беду!
Слезы капаят.
Иду!
Я сказал себе:
— Мой Боже!
Я уйду, я недостоин.
Каюсь, нелюдь я...
Тишина...
Весы застыли.
И слезинка,
кровью алой.
Тишина...
А в небесах лишь облака
бегут опять.

Солнце светит, греет лаской,
легкий ветер —
дух со сказки,
сказки жизни
во красе Мира Бога.
И всё — мне.
На колени встав к востоку,
я не встану
до тех пор,
пока душа моя
не сбросит из себя
весь сор...

30.10.2012.

***

Любовь моя,
тебя забыть никак
и никогда нельзя,
ночей тех летний звездопад —
любить так можно только раз.
Туман, что плыл
по берегам реки,
тропинку узкую
между травой в росе,
которой мы всегда
с тобою шли.
Тёплый песок
горячих в солнце дней.
Вода, которая манила нас:
— Быстрее! Быстрее!
И мы с тобою шли,
купались,
брызги в солнечных лучах
стекали по лицу.
Любимая,
тебя я столько лет ищу...
И новая вновь осень пополам.
Горящих листьев на деревьях
храм
для нас двоих, как и тогда,
в осенний вечер...
Навсегда
ты в памяти оставила
мне взрыв
любовных радостей,
и, заменив его
судьбой
цветущих хризантем,
оставила меня.
И я — из лета в осень —
без тебя...

А с неба снова
падает звезда.
Как мне поймать её?
Твои глаза
передо мной всегда,
как та потухшая
упавшая звезда.

31.10.2012.

***

Тяжело, мучительно,
но я говорю себе:
— Пиши!
Такая, видно, судьба поэта.
Поэт не может без поэзии и
лета,
весны,
осени,
зимы,
любви к природе, Богу.
И с людьми
он чувствует себя как дома,
где мама и отец,
горит огонь,
и в пламени его
мерцают дни
уютом вечеров зимы.
...Я с нею, той, которою любим.
Теплом сердец
согрет наш дом
под вековой сосной
большого леса,
где дорога в санных следах
и много, много снега...
Весна.
И снова мы вдвоем
среди обилия цветов
в пьянящих запахах
сирени.
Я счастлив в миге дней,
что улетают,
унося с собой года.
Уж никогда
не буду я с тобой
в шестнадцать лет
под летнею луной,
под звездным куполом
небес...

Мне остается память
и молитва к Богу
за все, что дал Он
мне в дороге
к Себе.

Дорога счастья
наполнена любовью,
хоть память
иногда вскричит
и станет больно мне.

31.10.2012.

***

Мальчик и девочка
с глазами сини —
дети мои
Мария и Анатолий Симон.
Диво
сотворил Господь,
послав мне в дом
души детей,
а мог...
Подумать страшно:
как без них?!
Симон смотрит на меня
внимательно из-под ресниц.
Потом — улыбка доброты
в губах,
затем — улыбка шире.
Никак мне не уйти
гулять без них.
Мария — старшая,
все говорит и говорит.
В делах вся:
то рисовать, читать,
то куклу положить ей спать.
А Симон смотрит тихо-тихо
глазами взрослого —
какой ребенок ты еще, Мария...

31.10.2012.

***

Великая Америка.
И города великие
Нью-Йорк и Вашингтон.
Но пришли два вихря
с океана
и пали города
залитые водой.
От ветра коченея, народ
попытался,
и — слом
в машине экономики.
Закрылся Пентагон и Белый дом.
В бункеры ушли.
Щекочет нервы много лет, дуряя, Голливуд
сыто откормленным
буржуйам,
а тут как тут
реальность вдруг —
два брата,
как играясь
ветровеем,
качают небоскребы
как игрушки,
водою заливают.
Они как дети,
а что если отцы придут?
А после них — кранты.
И Голливуду,
экономике
и доллару кранты.
Великий Бог,
и от Него вы отошли,
заелись и отгородились.
Но не только
в том грехи.

Великий Бог
в любви
ответил вам на зло,
которое вы
лелеяли, пекли,
как с ядом пироги.
По миру нищих
танками прошли —
искали террористов,
а гибли дети, женщины и старики.
Великий Бог вас посетил,
и вы, закармливаемые,
не слышали Его,
к Нему с молитвами
не шли...

30.10.2012.

***

Ты глупость, несуразицу
никогда не говори,
и думать так
себе ты запрети.
Не строй людям бед.
Себе, другим
нервы глупостью не щекочи.
Ты — сын небес.
Тебя послал сюда Отец,
твой Бог,
в мир Свой
красот немислимых
для глаз, души.
Мир так красив!
И днем, в ночи,
в любое время года —
погода, непогода.
И непогоды нет.
Есть переменчивость чудес.
Свой путь пройди здесь
как дитя —
к Богу в любви
и людям:
помочь им будь готов всегда.
Уйдешь ты, как пришел,
без рюкзака,
без денег и утвари кухонной,
без дома, лошади,
полей, что так успел ты
полюбить.
Уйдешь, как и пришел,
в слезах.
Что дальше ждет тебя?
Странники мы вечные,
и это да.
Вселенная нас ждет
и налегке.

Зачем нам груз
в баулах, рюкзаке?
Нужна душа,
и груз весь в ней —
любовь и память
добрых дел.
Плохое будет жечь,
и стыд не даст покоя,
особенно там,
где души видят
все нечистое.
но люди упираются,
хотят по-своему.
Да Бог с тобою...

31.10.2012.

***

Я не смеюсь над домом,
что есть моей страной.
Я плачу и молюсь о ней.
Мой дом...
Там дети все мои.
Страна больна.
Врачи —
их много —
все хотят лечить,
но их самих нужно проверить
на шиз.
Они почти все так больны,
что их зараза
отразилась в лице страны.
Их страсти объяли всех —
страсти к деньгам,
богатству,
девкам молодым —
утех им хочется
лизальных.
Не о любви здесь речь.
Они о ней не имеют знаний.
Их научили предки только лечь.
Может, они страну от дикой своей любви
и положили?
Они ложатся страстью
гнусной,
и считают эти победы свои
искусством.
Искусители и искуситель их.
Это не искусство.
Это — псих и шиз.

Страна
так пала до войны,
и пала после,
даже ниже
чем могли ее свалить
эти врачи —
целители и палачи
в одном лице
из маски страшной
одетой идиотами
из заношенных остатков неглиже.

31.10.2012.

***

Я прошу тебя,
я прошу немного —
приди ко мне
и стань над моим порогом,
любовь моя, Луна.
В серебре трава,
деревья и дома,
в серебре и я —
светит мне Луна.
На озере лежит
лунная дорожка,
волны серебрят.
По вере мне дай Бог
дойти к Луне,
вернуться...
Но только сон опять
качнулся —
я проснулся.
И подходя к окну
к стеклу лицом прижался.
— Луна, Луна,
люблю... —
я тихо ей признался.
И волосы в ответ
мои посеребрились.
Луна, оставив след
в любви,
солнцем вдруг сменилась.

31.10.2012.

***

Прошли времена
красивых женщин
в политике украинской.
Им осталось место
великое
на балах, светприемах,
и в окрестностях
дач модных,
изысканных,
на постелях,
в бассейнах
и лестницах
рейтингов поп и машин их.
Пролетели на выборах
вчистую
две красавицы
неписаны —
Рогозинская и Церезинская.
Обе Наты, Натки,
судьбе моей потрепанной
желанны кандидатки.
Я с ними готов
поработать,
поучить уму-разуму
женскому,
а потом поднять
вновь на лестницу,
но другими уже,
покрасневшими
от стыда за их прошлое
трудное.
И пойдут они в жизнь
чисто женщинами.

31.10.2012.

***

Мы снова ищем сушу.
Много нас, плывущих
на лодках и плотах,
на бревнах, просто так.
Из кораблей идущих
машут нам руками
и приспускают флаги —
много наших,
вместе с кораблем,
ушли под воду.
Зло с нами нехристь
какой-то зачал —
четвертый корабль топил,
у нас уже нет сил.
С миру по копейке,
мы строим корабли,
команда самых резвых
учится вести
к земле, что рай по книжкам,
песням и стихам.
И в той земле красиво,
поля, сады везде,
стада гуляют тучны
и мед, и мед везде.
И все это бесплатно —
поел, гуляй, лежи.
Мечта наша прекрасна!
Нам говорят:
— Не жди.
Плати, кто сколько может,
и быстро на корабль.
Но корабли все тонут,
и сеют средь нас страх.
Что-то там с командой,
наверное, не то.

Они много воруют,
и никто нигде
не стал перед судьей.
Людей в морях потопло...
Считай, что мавзолеей
нам море стало всем.
А капитаны
говорят красиво,
на все у них ответ:
народ, мол, нагрузился,
и денег в него нет,
чтобы нанять команду
в Европе иль Москве,
чтоб знали все морское
и плыть могли везде.
Может, они и правы,
но мы гребем, гребем,
а суши нет.
Устали,
но, может, и найдем.

01.11.2012.

***

Выборы никак не закончить
нам в стране.
Воруют и фальшивят,
и бюллетени в огне.
Страна, как конь строптивый,
который день в войне,
что навязали сверху.
Молодчики везде.
Бандиты себе метят
место, где беде
снова танцевать
по праху истин.
Вспять
хочет повернуть
строптивый наш верхблуд.
Фальшивят и химичат,
совесть потеряв.
Смотрите на их лица —
тот жаба, тот удав,
а тот, вообще, змеище
на двести пять голов!
Он хочет доточить
голов еще так тридцать,
чтоб править вновь страной.
Народ все созерцает,
сдувая пыль с штыков.

01.11.2012.

***

Крики, ревы
нездоровы,
бабы воют, как от мучила.
Жизнь их так и не научила —
их глаза, душа
и сердце
в сериалах мыльных драм,
там их учит черт
напевам
что красиво и счастливо
в доме, где прислуга, пиво,
где охрана и шоферы,
повара, лакеи,
горы нажитого счастья —
золото, бриллианты,
сласти,
по утрам шампанских брызги,
мыльных драм любви сюрпризы.
Там меняются мужчины,
женщин любят мило-мило,
деньги счета не имеют
и лежат даже в постели.
Ну, бывает, дочь пропала,
ее ищут
и находят замужней, во дворце,
ходят в гости
все потом друг к другу.
Мыльных опер мозгам вьюга...
Черт уводит души баб,
мужиков, что трут диван,
себе под хвост.
Там им место.
Там тепло, и все согрето.
Тесно там не будет,
нет.

Крики, вой,
кордебалет
в доме часто с ничего —
ненависть здесь стала
на черное крыло.

01.11.2012.

***

Ночь кошмарится, хрипит,
просыпается, кричит:
рядом толстый, и храпит,
и худой храпит как бык
с вставленным в губу кольцом
на веревке,
а с ним и конь
после гонки,
взнуздан в боль,
рот в крови,
и зубы вдоль дорожки беговой.
Тотализатор,
и герой
в сапогах
из кожи гладкой,
содранной с коня,
что упал и встать
уже не смог.
Ночь кошмарится
и тронем,
на который лезть готовы
сразу сорок шесть царей
нашей родины богатырей.
И шесть баб
голющих здесь,
все как ведьмы из романа
про несчастного султана,
что имел сто двадцать жен
и хотел еще,
но умер молодым.
Ведьмы запустили дым
и стравили полдворца.
Трон остался просто трон —
нет наследников.

А нефти —
лет на триста,
и всем вместе
не усидеть на троне том.
Им придется драться где-то
на мечях и финножах.
Меч — то трудно, а вот нож
сзади, в спину, каждый мог
это сделать, опыт есть.
И нефиг делать —
засадить перо
в тело жирное,
хоть кто.
Ночь кошмарит
взрывом криков,
храпы, стоны...
Единицы
заняты любовью-сексом.
Но то недолго,
только летом.
Потом тоже захрапят.
Воздух спертый.
Окна — жуть:
где набиты накрест доски,
где заварены в железо,
где заложены бетоном.
Ночь кошмаров.
Мегатонны
в память
видимых картин битья,
где-то, может, бытия
серого и склизкого,
скользим потом
по улицам и дворам.
Падают все.

По сугробам бредут
и проваливаются в люк,
украденный когда-то
и снесенный во вторчермет.
Его обратно
не поставили...
Ночь кошмаров.
Ужас ночи.
Змеи лезут как грибочки
из асфальта из под смолы.
Все заплевано.
Обойти змею не сможешь...
Очень больно
ночь пройти.
Водки б выпить,
в город выйти,
но и тут тебя подхватят
не бандиты, так менты —
руки сзади, и свели
на участок, развлекаться.
Днем им спать,
а в ночь гуляться
и служить,
а вам головы сложить.
Нет, не нужно нам гулять.
На подушках,
пусть в кошмарах,
пусть там душно,
но проснуться
есть ведь шанс.
Ночь слетит,
откроет кран,
и кошмары уплывут
вместе с сумерками.
Грусть...

В жизни реальной
все похоже на кошмары.
Страх нет,
а лишь забота
где взять деньги и работу?

01.11.2012.

***

Пена, пена из фонтана,
что танцует влево, вправо,
что танцует вверх и вниз.
Пена, пена.
Сторонись!
Она с запахом дерьма.
А в гостях здесь у вельможи,
что бандартелью правит долго,
русский царь — его кум-брат.
Пена прет, и дикий смрад
над помрачневшим Черным морем.
А здесь вельможи все живут,
и просят хором
отключить фонтан.
А как подойти
и дернуть кран?
Спасатели ждут вертолеты.
Вот конфуз —
весь вечер в попу.
Гость,
заехавший к чертям,
сам не знает,
что за бедлам,
что за пена и откуда
столько гадости
в округе
пляжей, яхт и вилл
богатых?
Пена прет,
еще бабахнет,
кто там знает о составе
химии, что в пене паром.
А вертолета нет и нет.
Все застыло,
пропал свет.

И, вдруг, шторм,
вздыбилось море,
волны вышли на просторы,
и ну по берегу катить.
Фонтан сорвался и уплыл.
Пену смыло.
Дым остался,
смердный,
ядовитый.
Берег отдыха элиты.

P.S. Посочувствуйте им люди,
а лучше — копеечкой поддержите.

01.11.2012.

***

Поезда не ездят морем.
Морем ходят корабли.
Поезда идут по рельсам,
по лежащему пути.
Не свернуть им в огороды, буераки и яры.
Поезд движется, как нужно,
по маршруту и пути.
Ну а наши поезда
ходят так, как та гроза.
Бахнет гром,
по небу рваной
молнии стрела —
то на севере буянит,
то юге загремит.
Так и поезд наш летит:
Междуножье — Междунорье,
Енаков — Трускавец,
дальше — полем, полем
под Полтаву,
где трындец
выборам вчера свершился.
Поезд вжикнул, покатился,
снова где-то в Конче-Заспе
притаился,
а оттуда —
на застолье Пьянчука
в пять мильёнов.
Гопака
врезал во Франции вагоном,
и опять домой,
на Донбасс, за угольком,
голосами в избирком,
новыми гопчинушами.
Лет по двадцать генералам —
не хватает стариков.

Страна большая,
пьянчуков уж больно много.
— Чух,чух! — поезд двинул
в новый путь,
вывезти нашу свободу
вверх, в парламент.
— Ноги! Ноги!
Осторожно! —
колесо стучит и может
срезать, что попало.
Поезд мчится на заставу,
к пограничникам, на север.
Там — Россия.
Что нам делать?
Вымытый дождем и чистый
поезд стал вчера министром,
по подъему в вышину
тянет всех и всю страну.
Девки, бабы по вагонам
пляшут, пьют вино,
и томно смотрят в окна,
в полумрак, сняв белье с себя.
Все завидуют ему —
самолеты, корабли,
подводный флот
из-под земли.
Все хотят вот так
пожить:
стать министром,
послужить.
Но не всем дана судьба.
Поезд мчится вновь туда,
где по выборам туфта —
разобраться, что и как.
Не завидую ему.

Там бандиты,
и в тюрьму могут
засадить, беднягу,
статью впаять по морали
за ту рыжую, с окна
торчащей голой попой,
бабу.

01.11.2012.

***

Столицу точно в Харьков
перебросят.
Регионалы косо смотрят
на киевлян,
что выборы у них не купили.
Деньги брали,
продукты брали,
а в парламент
других избрали,
из оппозиции.
И вышел пшик
региональному крутому,
что грабил здесь,
третировал людей,
как у себя дома.
В Харькове их ждет
с электоратом
Миша Кариес,
что тоже отсидел когда-то
немало лет,
набрался там ума.
У нас школа — тюрьма.
Не Гарвард, не Сорбонна —
у нас тюрьма дает
права аэродрома.
Взлететь может любой.
И Миша ждет
с трубой,
в которой газ
скоро пойдет —
его достанут.
Идиот
только не будет
там иметь.
Из Киева съедет вся
элита,

съедут артисты и министры,
съедут бандиты, аферисты,
съедет бомонд.

Уедут джипы, лимузины,
спортивные уйдут машины.

Дома уйдут под снос —
их разберут
и соберут под Харьковом.
— Урод! —

кричал вчера регионал в речи,
снимая с печи
сухие калачи.

Победа ведь не наша,
хоть мы химичим, плачем.
но плач лишь только вид.

Россия велика,
и ждет её сюрприз —
не Украина
в таможенный союз,
а сотни пар товарных поездов
на север —

уйдут регионалы все туда.
Язык свой увезут.

Балда
наш главный.

Здесь был хозяин,
а там — ордынец,
что татарин,
непрошенный, незванный
с женой и чемоданом
в Россию, доживать,
учить там местных
побеждать
на выборах.

Ха-ха!

Россия примет дурака.

Они на выборах
сами с усами,
научены лет еще на тридцать.
Подожди, товарный поезд,
не спеши,
и сделай остановку
в родном Донецке,
преклониться люду тамошнему,
что остается без присмотра.
Кто поможет им?
А нам помогать
еще так хоцца...

02.11.2012.

***

Взять бы клетки
поставить для змей
по всей территории
бывшего СССР.
Собрать, отловить их
несложно пока.
Они в расслабоне,
обнаглели все так,
что и не боятся уже ничего,
ползают там, где
хотят.
— Вот падло, — сказал человек,
и пнул ногой
в сторону всех,
кто в машинах уже
ездил нагло.
«Рендж-Роверы»,
«Мерсы»
с водилами
пьяными, трезвыми, —
туда-сюда.
Они править начали
странами —
куда там,
во сказках, их родич,
Горенич,
который Змей —
эти похлеще,
и матерей.
А развелось их —
страшно смотреть!
То с телевизора лезут,
узреть, что в кого дома,
как кто живет,
чтоб потом шмоном
забрать все впролет,
то из трибун парадов
и маршей —

стоят, самых разных мастей,
и в богатстве
корон золотых.
Шеи в цепях,
хвосты разукрасили
россыпь камней,
и зубы, и зубы
из платин, керамик,
а яд так и хлещет.
Сегодня все в технологиях
бума —
на них работают
целые вузы,
лабораторий не счесть
в мире во всем.
И всё для ядов
змеиных.
Улов их большой:
кусают миллиарды
особей людских,
и даже бумагой —
газеты, журналы
пожаты зубами,
и с ядом в страницах,
Читаешь, вдыхаешь,
и отравляешь насмерть
себя словами.
Когда это было?
Век наш технологий,
науки,
но часто все попадает
в грязные руки,
и против людей,
чтоб их рассеять и охмурить.
Им удастся все в мире
пока.
Змей расплодилось —
символ греха.

Клетки б поставить,
отловить и закрыть,
из милосердия
их докормить
до смерти естественной
и удалить.

03.11.2012.

***

Тарас Шевченко в бронзі
пахощі вдихає тут столові.
Пивні та винні
пари до неба,
дим сигаретний сизий.
Варто, може, пам'ятник
кудись перенести?
Можливо під університетом
десь є чисте місце?
Парк Шевченка потопає
в ресторанах, кафе, кіосках,
лотках,
і пияки, хитаючись, ідуть,
гуляють пси,
справляючи нужду,
кохаються ночами
юні пари.
Дітлахи на гойдалках
на повні груди
вдихають дим та запахи
із кухонь.
Діти вчаться жити —
тут їхнє майбутнє:
парк із споруд ринкових,
дерева прорідили,
ще, правда, щось лишили.
Рахують гроші в туалеті,
а народ нужду справляє,
під деревом, кущами —
кому де заманеться.
...Парк відпочинку
з вінками влади та опозиції в свято
для поета.

03.11.2012.

***

Демократия силовых спецподразделений
милиции,
идущих боевым строем,
в полной боевой оснастке,
по телам митингующих
против произвола власти.

По телам женщин, стариков
и юных-юных,
ломая ребра им, и руки-ноги,
разбивая головы кованными
сапогами.

Демократия митингующих —
в норме,
только она лежит ниже
демократии отряда «Беркут»,
правда, под сильными ногами.

Демократия разная,
как и все в этом мире, —
люди, принимайте жизнь,
как она есть.

Зачем вы пошли на этот митинг?
— А! —

выступили против фальсификации
выборов.

Но фальсификация — это часть
нашей демократии,
такая же, как и проституция,
сексуальные меньшинства,
но только это протрация.

Мир движется по замкнутому
кругу,
а некоторым хочется вырваться,
и, по прямой — вверх и вверх.

Никто вам это не запрещает,
только это делать нужно
демократически,
на выборах.
Но там фальсификации!
А вы отстаивайте свои
права в суде.
Но там коррупция!
Подайте апелляцию.
Но там коррупция
еще больше!
Пишите в прессу.
Демократическим путем
добивайтесь правды, цели.
— Я понял, —
сказал человек,
застегивая ремень автомата.

04.11.2012.

***

«Полытыка», как говорил
футбольный форвард
из фамилии Шевченко.
Дело тонкое политика — вот
это верно.
Это не мяч по полю,
меж себе подобных.
Политика — это судьба народа
и народов бремя,
и если не рожден
в политику,
а прирожден
от полытыки,
так лучше уголь добывай кайлом,
стой у мартена бывший олигарх
вдвоем с тем чертом, что тебя
возвысил.
Политика у нас под крышей,
она здесь бизнес
деньгопришибеев —
они в ней толпами,
хоть в голове проблемы:
то коммунисты-неокапиталисты,
то патриоты-неокоммунисты,
то фрейдовские пациенты с эго...
Собрались в кучу и
разделили церковь,
как имущество жены и мужа.
Они же мыслят
категориями плуга,
что от диалектического материализма им
достался
с обрывков учебника,
что в туалете во времена
девяностых на гвозде болтался.

Они его читали постранично,
пока было минут пять
на действо.
Исторично
все получилось:
истерично отряды создавали
в Украине,
церковь создавали
и рвали от России свою часть.
Оторвали по-живому —
по сей день
рана кровоточит в небеса.
Сами уже старые,
мозги высушены в пень,
а ими гордятся пионеры,
под звуки барабана
цветенеют
на праздники
под выданным букетом.
«Полытыка»...
А прав-таки
форвард, который Шевченко,
политика не скоро
снизойдет сюда
в утонченном виде
знаний и любви,
что для людей, страны.
Когда мы видим
даль,
за нею океан,
а там —
им бы хоть месяц-два
такое, как нам...
Они активно помогали создавать нам
этой «полытыки» тартарарам.

04.11.2012.

***

Стара та суха висока
вишня,
гілля поламане лежить в траві,
а навкруги все будяки та
пні гнилі
від саду, що тут ріс колись.
Весна.
А сад вже не цвіте,
і не гудуть хрущі —
вони подохли ще торік
від хімії сполук,
якими орендари обробляли ліс і луг.
Хата стоїть стара
закрита.
Дошками навхрест вікна забиті.
Солома на покрівлі напівоблізла,
і п'яний хлопець
бродить в пошуках заліза,
щоб здати в пункт прийомний
і випити іще.
В ті пункти знесли все
по Україні —
корівники, свинарники,
доїльні апарати,
трактори, плуги,
борони, сівалки, —
знесли туди усе.
З будинків-відживалків —
посуд, заступи та сапи.
— Будемо землю продавати, —
сказала влада. — Ринок землі,
щоб був хазяїн.
Десь з Тель-Авіва чи Белграда,
може, з Атланти чи Невади,
може, з Нью-Йорка чи Канади,

може, з Нічеччини чи з Газу —
я маю на увазі Нью-Москву,
капіталістичну, з Мавзолеєм
Леніна, що на борту
везе Росія.
Везе Росії —
в неї все є,
і сила є, але нема хрущів
і вишень,
і білих хат нема.
Та є в Росії шик
московський.
А що хрущі?
Хай дохнуть.
Вони з'їдають
листя на деревах,
від них садам —
біда.
А що сади пропали
по Україні —
хрущі не винні.
Ніхто не винен.
І заліза навиплавляєм
скільки влізе.
Але то буде
вже не та країна —
периферія буде
фінансових магнатів
з Уолтстріту,
бездуховна частина
антисвіту.

04.11.2012.

***

— Не дай вам Бог
такої долі,
терпіти мерзоту сваволі, —
казав я ввечері вороні,
яка присіла на вікно до мене.
О леле!

Що діється у нас
по виборчкомах!
Осіннє загострення,
маловідоме
лікарям у світі,
в такій великій кількості.
Бандити — бойовики
партійні,
з посвідченнями
журналістів
вийшли з підпілля,
їхні морди — мерзоти
й підлоти.

Бійки, крик...
Міліція насторожі,
але стоїть осторонь,
і мовчки дивиться на шиз.
Міліція теж хвора.
Крадуть і фальшують,
рахують
все собі, собі, собі.
З опозиції і люду
тут глузують.
Осіння памороч гуде.

04.11.2012.

***

— Парень!

Ты знаешь, что такое безысходность?

— Знаю.

Я в застенке гестапо умираю...

— Нет,

это не безысходность.

Ты не сломался, устоял.

Ты герой.

Только жизнь твоя коротка,

и Бог с тобой.

Но после вас,

через много лет,

придет другая власть,

и смерть будет казаться

избавлением,

смерти будут просить,

но многим нужно будет

долго отстрадать.

И время безысходности,

бессильности, бесславия,

время предательства,

стяжательства

и рая на земле

для отщепенцев,

забывших, что и они из людей,

людской породы,

но сердце...

Ты, парень, пожалел бы

о борьбе.

Сегодняшний сатрап,
купивший выборы себе,
в себя и для себя, —
ты слышишь, парень? —
вот это безысходность,
да...

04.11.2012.

***

Сумеречный маразм
времени,
осень движет нас дальше
в безвременье.
Разломались часы под
речьмы сладкими,
стрелки опали вместе
с листьями
в грязь куда-то,
и ржавеют под дождями
близ пристани,
где уже нет корабля,
чтобы уплыть всем.
Мы свободу проспали,
кошмарясь,
мы свободу отдали,
гоняясь
за богатством,
как призраком,
вынутым
с чулана эпохи другой,
сдвинутой.
И «кравчучку» взяв в руки,
«кучмовоз» и «юшку»
все пошли по миру голыми
деньги собирать.
История
не прощает дурости с глупостью,
история гнет, давит,
учит все,
но учебники, книги бросили,
как груз ненужный,
той первой свободы осени.

А сегодня мы так же
нищие, но еще
и духом,
и свищет здесь
ветер алчности,
да с коварством,
ветер душ наших
проданных в рабство.
Все поддались нечистым
помыслам,
все богатства хотели
как промысла,
а свободу, у Бога вымоленную,
мы оставили
как дорожку пыльную
и искали асфальт укатанный,
где машины летят
шикарные,
а взамен —
обочина грязная
и выхлопные газы,
чтоб дышалось угарнее нам.
Сумерки маразма времени,
выборы вновь кистенем по темени,
и падение нас во безвременье.

06.11.2012.

***

На постсоветском пространстве
мысли материализуются.

Шепот, как в танце
кавалера партнерше на ушко,
так и властные мысли, слова
кружатся в пространстве
до Солнца-обратно,
на север, на запад,
юг и восток.

Слушаю шепот
шорохом хриплым:
сверлиберализация —
отсюда спекуляция,
на рынках, биржах.
Сверхглобализация,
отсюда деньги все в офшоры,
в банки Америки, Европы,
а люд прячет
по матрацам себе под жопы.

Недодемократизация.

Псевдосвобода.

Олигархофашизация — эх ты
кулацкая морда!

Отдать собственность страны
не своему народу,
а тем, что антихристу
верны как богу.

Молятся президенты Богу,
бывает,
просят себе, себя восхваляют.

Дверь открывается,
деньги заносят,
и просят делить.

Президент нервно просит
у бога себе,
и деньги делит
по личной стране,
И слышны слова:
себе, себе, все себе.
Это — на партию,
это — народу.
Народ пусть работает,
а не хороводит
на митингах
против.
Да, вот забыл —
это менту, чтоб меня
он хранил.
Мой бог...
Да бог — это я,
и сохраню я долго себя.

06.11.2012.

***

Мечты коммунистов —
берешь доску и режешь
пилой на части
строго под шаблон,
затем сбиваешь куски
в звезду большую
и ставишь
сверху светофора
рядом с домом,
где ты живешь.
И если б так сделал каждый,
звезды б стояли
и звали нас бы
опять туда,
где уже были,
но с позором убежали,
гербы, знамена поменяли.
А те, что силой
владеют дикой,
идут туда, откуда вышли,
но не с котомкой,
сапой и тачкой,
идут богаты —
у них миллиарды
зеленых денег,
травой растущих
в политбюро коммуновысших.
Идут и рады,
поют всем песни,
с ними люди
в красных жилетах
из котомок сшитых,
из сап и тачек
трубы отлиты.

И дуют в трубы,
зовут с собою,
но так же бедны деньгами
и духом слабы.

Идут с вождями
в день, что праздник,
надеждой веры,
вернуться в завтра —
в машине времени
им придется покататься.

07.11.2012.

***

Бульвар длиннющий в дыму машин,
стоят они в «пробке» без сил.
И зависть гложет — вот это строй!
Мне б так стоять, стальной стрелой.
А день тревожит буремный вой —
идут колонны,
красны знамена ведут
к вождю эпохи,
к глыбе камня,
упасть на колени
и поклониться, сложив венки
за революцию, ее штыки.
За жизнь, чтобы снова бурлила кровь
и сливала ее на забор,
под которым стреляли всех
кто был против чертей,
и смех
вокруг горящих церквей по стране,
иконы в пламени, в костре,
и лица тех, из смуты-тьмы,
учили нас:
— Иди, бери
счастье жизни — коммунизм.
И мы хватали, оставив жизнь.
Жизнь наша — грош,
ржавый, железный,
не стоил целей,
а лишь передник страны и зад,
в середине — люди, как уголь, шлак,
чтоб поезд ехал в блеск трубы,
а там — награда
в три звезды:
одна на лбу, другая с сердцем,
а третья гроб украсит. Вместе
мы шли и пхались,

тянули жрачку в корыте сами,
но главкорыта секретарь
партийной власти
его отдал
на волю тех, что со звездой
еще четвертой,
а нам — отбой.
Вот и ныне корыто тянут
холопы жизни по экрану
кино немого, где жизнь
лишь Главковерху в тени и своре.
— Брысь! —
мне крикнул мент и палкой
двинул по лбу, где нет
звезды старинной,
а лишь башка, что череп держит
под кубок винный
чертям, что греют шабаш из баб,
вина и власти...
И мы уходим, дрожа, от касты.

07.11.2012.

***

Не дают спокойно жить,
нет покоя мне,
еще и праздник не догуляли
по стране —
Октябрь Великий.
С похмелья голова трещит,
ни сесть, ни встать.
Мне б выпить.
А радио с утра кричит опять:
— Украина, вперед! С вилами
в руках
после выборов нечистоты
собирать.
А их скопилось ой-ой-ой!
Не только рож бумажных,
наклеенных толпой,
а грязи той, что и вила
не возьмут.
Терриконов партия
сплела себе хомут,
концы прятала умело.
Химичили, бросали бюллетени,
и дело делали братки.
Их называли пишущей братвой —
какой-то дурак сверху
думал все таки ногой
и выдал им всем
удостоверения, вишь, журналистов.
Они громили, били
активистов.
Верхам все нравилось
вначале,
но химию по выборам
тянули долго —
подкачали.
Тут и народ проснулся,
и пошел,

еще, конечно, тихо так,
как сам не свой,
но шансы есть,
что шанцы
он возьмет, инструмент,
которым роют же, конечно,
не огород.
И вилы не помогут здесь
уже никак.
По нечистотам мордой
начали тягать
верхов страны.
Они кричат, вопят,
а некоторые хитро так,
елеем,
с телевизора сладко, сладко
греют
и мажут нас по голове,
а мы вдруг снова
верим все тебе,
ведь ты — политик,
сукин сын.
Кто родил тебя?
И не спросил,
кем будешь ты,
когда взрастешь?
Радио кричит, дерьмо плывет
и запах жуткий
на похмелье.
Жена спит, ноги разбросав,
наверное ей тоже нелегко.
Праздновали всей семьей —
спустили деньги с демонстрации.
И что?
Теперь бутылки сдать
и взять пивцо?
Сегодня еще праздник.
А дерьмецо

собрать? Народа много.
Прокололись партии, ведущие
народы,
и теперь орут, что Украина
все вперед, и вилы сбоку,
эх народ...
А, может быть, зовут не всех,
а партии, что лижут зад —
доспех патронов здешних?
Жена вздохнула тяжело,
оголив грудь, плечо,
а голова моя трещит
арбузом.
Жена, проснувшись,
улыбнулась:
— Друг мой... — и достала,
сука, из под кровати
бутылку водки, литр,
чуть-чуть початый...

07.11.2012.

***

Брат мой должность получил —
главы районной администрации
кресло отхватил!

И начали мы с ним...

Киоски и ларьки,
подвалы в бары превращать.
Братки в меня уже бригадой.

А тут библиотека в центре,
на улице Горького.

Кувалдой

выбили мы дверь,
книги на мусорник свезли

за день,
евроремонт за срок короткий —
и получился ресторан

«Весна»

в виде подводной лодки.

Облюбовал клиент с деньгой
уютный зал,

отсеки, где с барышнями
можно делать тарарам.

Спрятавшись от мужа иль жены
в рубке радиста, например,
хоть день лежи, люби, живи.

Но жизни не дают
очкарики в летах —

все ходят, просят книги.

Им объясняешь —

время, рынок и все такое,
а они книги просят

каждый день.

Немного их,

но нервы портят
коллективу ресторана,

да и мне, порою.

Братки гоняли их,
проучали,
очки снимали с них,
ломали,
а они ходят, просят —
дай нам книжку!
Пережитки эпохи старой,
а, может, коммунисты...

08.11.2012.

***

Я шепчу твоё имя в небо.
Осень та же, с дождем,
и ветер
носит капли воды в пространстве.
Листьев золото сгорает
в танце
под покровом пришедшей ночи.
Листья в кучах черных и мокрых.
Я шепчу твоё имя в небо,
но в ответ — тишина и ветер
согревает меня холодный.
В память, в память вечер
уходит,
как и тот, в той далекой
осени,
когда я тебя бросил
под соснами.
Листопад отойдет скоро
и вьюгой сменится
золото осени
на снег первый, чистый-чистый,
как и в день тот, что ушел
по тем дорогам, что зазывали,
много обещали.
Я ушел, поверив зову,
по дорогам бездорожья,
потеряв себя среди снегов
и дождей осенних, длинных.
Я шепчу твоё имя в небо.
Ветер кружит водой
и греет
память, куда снова уходит
листопад и эта осень.
Места много оставит память,
и я буду ждать тебя
годами,

и как тогда, случайно,
ты вновь придешь
юной и желанной.
От любви — в листопаде сердце
и в снегах первых
осенних.
Я с тобою отдамся ветру
пусть уносит нас вместе,
под дождем и снегом
согревает мое холодное сердце.

08.11.2012.

***

Красные тени
по лику Вселенной
от света звезды
уходящей на время,
а нам оставляя
осеннюю ночь
и верную Луну,
чтоб помочь
светом и цветом
украсить земную
жизнь, что уходит
со скоростью —
не успеть и подумать.
Скорость движения
жизни оценит каждый,
когда время придет
нажать тормоза
над краем, что
вот осветила Луна
вновь здесь в ночи.
А мимо летит
табун,
стучит копытами в такт
симфонии жизни.
Белые лошади
в серебряном инее,
окрашены светом Луны,
как в картине той,
что видел когда-то
с далеких высот.
Белые лошади мчатся
вперед,
и снова по кругу
в ночь эту опять.

Я их увижу
под утро,
чтоб мне спать не хотелось,
а только вдыхать
вино ночи осенней,
и пить до утра терпкое очень
с букетом цветов
осенних, желанных,
и женщиной той,
что встречаешь однажды.
Больше не встретить
и не найти,
как и белые лошади
на длинном пути,
что по лику вселенной
летят.
Не спешి ночь проходить
и день загораться.
Годы уйдут,
годы умчатся
и скорость той жизни,
что часто не мила, —
твоя,
и, оказалось,
очень счастлива
и очень красива.
И белые лошади
по красным отсветам,
теньям вселенной
зарей нам воспетой
новый взрывает
день за другим,
а ночь уплывает
и память грустит
о той любви,
что уже пролетела.

И только лошади
снова зовут меня в ночь,
в осень, где
будет Луна
и красные тени —
мои в них глаза...

10.11.2012.

***

Они возвращаются из теней
и мрака,
забытья людей,
а если и память,
то как клоака.
Их беспокоит жизнь уплывающая,
личные годы
по наклоняющей.
Им нужна слава в веках
столетий,
но слава им светит
в проклятиях
поколений следующих.
Их ненавидят,
презрение их душам.
Они страшатся и
вылазят из нор.
Им нужна власть,
чтобы смыть свой позор.
Так они думают
в домашних церквях.
Каются, маются,
но все — впросак.
Они возвращаются на места
преступлений,
как и каждый преступник —
черный гений, не гений,
но хочется видеть место падений,
место убийств и ограблений.
Они возвращаются, не крадучись
в потемках,
они возвращаются на выборах,
громко заявляя
о судьбах народа.
Бандиты приходят,
а народу снова болото.

Снова украсть, убить
и охаять.
Люди прощают,
не понимая,
что место бандитов в клетках
закрытых забором,
а не верххата
и из бархата шторы,
из-за которых они
смотрят на нас.
За шторами решают
кому жить, кому пасть,
здесь и дележ разбойничьей
сумки.
Люди прощают.
Мы все недоумки.
Нам не хватает
силы, доспехов,
нам не хватает
ума на потеху
собрать их всех вместе
и вывести строем,
под стук барабанов
развести их по норам.
Мы опозорены честью нечистой,
нам бы стыдиться
преступников истин,
но мы затихли и жмемся
в себе
воины чахлые
на слезами и кровью залитой земле.

11.11.2012.

***

Ордынцу ночью
вякал азиат,
я, мол, здесь, поэту
перепахал весь сад,
теперь хочу я сад
с собой забрать
туда, где Ленин, Маркс,
где партия из коммунистов
взяла власть —
борется с коррупцией
и нарушением законов особо.
Держит солдат свой автомат,
стреляет, и не расстрелять —
их миллиард.
А сад?
Ордынец обещал сады,
мол, приходите
с инвестициями вы,
трудитесь, и помогите нам
народ сдержатъ.
Народ стал нервный.
Ать и два —
не ходят уже,
не подчиняются.
Братва, что пишущая, стала
в журналистах подвизаться,
как правило, безграмотная стая
зверья без сердца и морали.
И азиат-хитрун пришел.
Принес лопату, один доллар, лом,
и начал нанимать работать,
народ из-под орды
тянуть к себе,
и пропасть оголилась
среди страны.

Полы мыть некому уже,
и азиат кричит ордынцу:
— Ты! Бери швабру, щетку,
и мети!
Братва, что пишет,
не смогла помочь
ни предъявой, ни кастетом.
Мощь не та братвы —
азиаты перекупили их.
— Молчи! —
сказал мне мент.
— Сиди, молчи.
нужно было прикрываться
не спортивными быками-писаками,
а пасторами,
что въехали бы к нам тоже.
А штыками?
И так вот рабство незаметно
чеканит шаг.
Европа смотрит под прицелом
только на свой банк.
Америке земли хватает по Земле,
а русские хотели бы,
но им уже
на брата не пойти.
Русских осталось — один, два, три,
а то все те же братья
из-за стены —
великой родины большие хитрецы.

11.11.2012.

***

Во времена смещения нравов,
падения морали донельзя,
Калигула в Сенат привел коня.
Избрали.
Сегодня в Украине низко-низко,
дурацкие смешинки с ничего,
путь народа в никуда близко-близко,
и я бы избранным в верххату,
привел быка.
Избрали бы коллегой, приняв закон,
взяли бы во фракцию, пардон,
навоза было бы немало,
желание оплодотворять коров
его бы отвлекало
от деятельности под ковром.
Народ проснулся и
поднялся,
народ проголосовал против паяцев.
Народ, горжусь тобой.
Но сколько еще снулых
в нас голов,
что бюллетени бросают
лишь бы как,
поставь им борова,
изберут хряка.
Какая разница,
что Чертовецкий хлам,
Жмуравский христопродавский
лжедемократ,

Шакалов, вышедший с тюрьмы,
Рудьман, наевшись белены —
все у нас прошли.
Здесь особый территориальный
жлоботрон,
мозги в бутылке с водкой на потом.

11.11.2012.

***

— Хай Шакал поверне
моє ягня! —
волає у суді Баран
майже щодня.
Суддя вивчає папірці
в томах,
їх вже сто тридцять п'ять —
розпухла справа за роки.
Прокурор вже поміняв
посаду —
у «важняки» пішов,
але веде цю справу.
Він Шакалу служить
дуже браво,
для звірів та скотини
процес треба вести
щоднини,
щоб бачили — їх поважають,
якесь Ягня, що з'їв Шакал,
захищають.
І прокурор все торочить
про хлівець, замок
та петлі, що старі,
звели всю охорону нанівець.
Щось адвокат замучений
кричить про Євросоюз
та інший політичний тиск.
А Шакал — президент,
обраний стадами,
не вся, правда, скотина
за нього голоси повіддавала,
але гарант він
вже не перший рік.
Здоровий, сучий син,
то козеня,
а то телятко з'їсть.
І справ тих по судах
демократичних вже немало.

Суддя верховний, Крокодил
з Панами,
великий має хист,
але ж хижак,
і теж всіх їсть.
Головпрокурор,
із Африки
Великий Бегемот,
він захищає теж гаранта —
той платить йому
як форварду футболу:
чотири авто він купив
на всю свою родину.
Міністри різні —
змії та удави —
всі як один за Шакала готові
кусати всіх —
боротись за гаранта до кінця.
Чим Шакал купив їх всіх,
фальшуючих закони?
За гаманця,
державного, що в скотхлівах
потрібен на бюджет та лад.
Той гаманець іде
на свиту для Шакала.
Баран все судиться
і судиться,
але то лиш відмазка
для Європи,
щоб не пищала,
що мало тут свободи.

11.11.2012.

***

Опять я перестал писать стихи.
Усталость железом мне
легла на тело.
Я созерцаю мир,
все дальше удаляясь
в хмурость коротких дней осенних,
бегущих тихо, нежно.
Я не завидую живым,
что в гонках круговерти трактов.
Мертвым иногда завидую...
Прости меня, мой Бог, за все грехи.
В голове белым-бело,
как в поле снежном.
Чистые листы бумаги...
Мыслей много бы легло,
но я говорю себе: не надо.
Осенний листопад
несет с собой и психике отход,
куда-то в мир иллюзий грозных,
и мне звонят,
и слышу крик,
как режут где-то по живому,
и русский мат рвет эфир,
а я помочь не смог
и спасти хоть одного кого-то.
Крыши рвет сегодня,
как в бреду
живет немало люду:
все страдают и бегут,
и даже власть
подвержена сезонному страхбузу.
Вот не набрали триста голосов
в свальламент,
что лежал на лавке,
послушным, исполнительным,
готов голосовать за мелкую притравку.

Новые законы не принять,
не изменить им Конституцию
под рожу,
и начали там сильно
тосковать дворяне и вельможи.
Я отдыхал, смотрел на мир,
и мысли начали темнить
чернилами пространство в белом цвете —
а что, если в ночь новолуния
завыть в лесу осиновом
всем скопом,
и выть без перестанку до конца,
до полнолуния,
что через две недели?
Тогда, наверное,
власть останется здесь навсегда,
в осиновом лесу заиндевет.

14.11.2012.

***

Восток и Азия великие в длину.
Восток и Азия большие в ширину.
Восток и Азия хитрые и в глубину.
Стала сестрой им Украина,
некоторым из них
дороже самого большого рубина.
Здесь много дыма —
мозги в дыму.
Народ весь задыхается в плену
страстей и лжи.
Народ, упавший от своей
шпаны,
а тут еще и азиаты хитрые
пришли —
для них здесь нет
святого ничего.
Они христопродавцы
и язычники.
Ого!
Они — инвесторы, сказали
нам в верхах.
Там дыма нет,
а только разный хлам
из человеческих отбросов,
байстрюки —
без родины, без матери,
что плакала над ними
у реки,
откуда начат путь был
у людей.
А эти шли из подворотни:
— Бей! —
и били во весь рост.
Теперь инвесторы
дают два цента,
а наперед взимают шесть,
но говорят, что это новый ГОСТ.

По арифметике мы
в минусе от них,
а по политике
здесь плюс большой.
Устав
кричать на улице Людей —
никто не слышит, —
иду на улицу Блядей,
а там — и слышат,
и смеются, но требуют
платить.
Гулять же с ними или нет,
а время тратить.
Я притих.
Сломался снова лифт.
Пять азиатов с чемоданами
бабла зашли, застряли.
Их вызволили быстро
из беды,
но в лифт должно было
зайти лишь три.
И снова крик:
— Сломался лифт!
Я собрал нехитрые пожитки
и пошел на улицу,
где дураки,
служить.

14.11.2012.

***

І знову в нас розбрат, розброд,
один на одного готові
будувати дзот,
один на одного піднять багнет.
Ненависті і заздрості потоп.
І рвемо рота
всі на всіх,
і є за що.
А ворог притих і слухає,
та пише все в блокнот —
у нас нема секретів
від сволот,
вони все знають,
Кричить наш рот
на тих, хто вмер
і хто був українець,
й не квіти на могилу,
а бруд
з людського виру,
який затягує нас всіх.
У нас любов пропала
вже як вік, а, може, й три.
Ми йдемо без любові
із життя,
живемо без любові в майбуття.
Палити хату у сусіда,
жінку його звабити
на блуд,
покрасти все, що ще
лишилось вкрасти —
лицемірство наше багатство.
Ми брешемо,
і по брехні
пливем і будемо плисти
поки не вмиremo.

А воїнів нема —
всі продались,
пройдисвітів —
як і колись,
і сором зник,
і совість спить.
Та й досі ми —
країна, де надія
ще горить...

14.11.2012.

***

Известный художник
России новейшей,
я повторяю: известный,
не мастер, а бакалейщик,
пишет портреты на великом
пространстве — постсоветском,
где новые танцы, где новая мода,
и новые деньги, новая власть —
у них уже все в избытке,
достатке.
Куплены должности, партии власти,
но нету закона,
чтобы памятник ставить
при жизни баранов с козлами
прославить
в бронзе, железе да серебре
на улицах города, в деревне.
В мечте — память и слава
земная вовек.
Но нету закона, а есть
человек, что ремесло
рисовать изучил.
И пишет портреты
Нихос Мучил —
рисует баранов
в парадных одеждах,
а то в генеральском мундире.
Невежды, козлы!
На лошади белой
пред павшей страной
победитель консервов
из глупых мозгов
подававшихся в радость
на новую жизнь,
чтоб счастье считалось
звонкой монетой
и шуршащей бумагой.

Козел-генерал,
и лошадь как надо.
Пишет их Нихос тыщами,
тыщи взымает.
Стал богатым, известным,
и в славе
ремесленник-бакалейщик,
рисуя козлов и баранов.
Когда-нибудь будет музей
о сем веке,
там соберут
ущевшие в бурях портреты,
и выставят в ряд
для потомков позор,
чтобы боялись жить,
как прожили жизнь свою мерзкую
многие тысячи
дураков без мозгов.

16.11.2012.

***

Все мысли о себе,
их много,
о любви себя, родного.
Хочется всего, что скоро
поднимет настроение,
и снова — миг ощущений
сладких-сладких.
Несутся мысли дальше-дальше
в края, где неизведанны дороги
магазинов дорогих,
и ноги, от предвкушения
крокодильих туфель,
в истоме, что поплыла вверх
от пальцев.

Ужас!

А я мог не родиться
на это счастье жизни —
появиться жуком в навозе
за конюшней —
страх пронзает сердце.

Ужас

не дает мечтать.

Что-то ослабли нервы,
нужен психоаналитик
мне опять.

Цивилизация достигла
сверхпрогресса —
сажусь в свой вертолет
и пресса
бежит за мной,
услышать слово.

И вновь она, знакомая истома,
как перед оргазмом тело.

Я что-то говорю,
прячу лицо в очках.

Мы улетели.

Нас ждет сеанс.

Что-то нервы озверели —
гонят страх и страх,
а, может, это телевизор виноват?
Война вновь на Востоке —
бах, бах, бах!
Восток так неспокоен.
Его бы вывезти куда-то,
но это дорого так стоит...

16.11.2012.

***

С муторным дождем
еще с ночи
осень снова пришла
под окна ко мне в гости,
и позвала к себе гулять,
а там вода с холодом опять.
Но я мысли свои
затушил и ее к себе
пригласил.
— Да нет! — ответила осень. —
Как же в дом, с дождем?
Да и мокрые листья не бросить...
И я вышел к ней
в утро, смущаясь.
В памяти всплыли
дни золотые, листья желтые,
небеса голубые.
Осень нежно
вела меня вдаль
по полям отсыревшим.
Печаль мне вернулась на сердце,
но я руку почувствовал
в свете,
и, теплом по спине
разливаясь,
осень меня в щеки
поцеловала
влажной нежностью —
с неба водой.
— Я люблю тебя... —
шепот чуть слышный. —
Я люблю тебя,
милый, ты мой...

17.11.2012.

***

Все начиналось исподволь,
как и всякая зараза,
что приходит в дом.
Купили главклверху цацку —
вертолет в Италии,
как шапку.
А под него нужна площадка,
и строить начали всем миром.
Гадко
кричала оппозиция об этом,
я тоже написал что-то,
но нету времени жизнь
посвятить биографом деяги.
Площадку ту построили и рады.
Потом пошли по всей стране
вертодромы.
— Ну а мне?! — кричал народ,
но он не слышен был.
— Вперед! —
команда шла бульдозерам,
и строили везде,
где только можно.
— Нам, а нам?.. —
пищали дети в интернатах.
— Нам... —
стонали по больницам
после операций.
Но денег нет на сферу
социала.
А, может, нужно было
строить лишь ракету,
и запустить главковерха с челядью
на неизвестную планету?
Но немощный и злой народ.

Злой на соседа,
что хорошо живет,
злой на женщину,
что не дает,
а за страну он рад,
что нет войны,
и что-то прокричит,
но про меня,
что умный стал,
и пишет, мол,
кому?
Ну что сказать ему?
Не писать я просто не могу.

17.11.2012.

***

Сквозь плывущий клубами
туман с водой и сединами
бьется свет квадратами из окон
и первый белый снег
поток
на поток автомобилей,
что в ярких огнях
залили улицы бензином,
и лак бортов.
В огнях переливаясь
зовет меня туман
и снег напоминает,
что скоро вновь зима.
И тусклый свет из фонаря,
и одиночество меня
среди металла, кирпича,
на ленте серой тротуара...
И тянет вечер
по бульвару
под темноту аллеи
каштанов
и тем же блеклым светом
фонарей
и тех же автомобилей.
Кто быстрее?
В горящем свете кузовов
и музыкой
стальных оков
из окон, что бегут рекой,
и город мой
и я здесь свой,
но и не свой
в любви своей.
Я жертва.

Жертвуя собой
ради него,
мне так родного,
по серым лентам
тротуаров вдоль заборов
я так одинок,
и это знаю.
Но радость, что в душе витает
и есть тем счастьем,
что бывает
от счастья бытия,
а где, и как, и с кем?
Значение от этого теряет
смысл,
Я жертва.
Жертвую любовь.
Мне хорошо с тобой...

17.11.2012.

***

Тридцать лет
на плечах ношу я гроб.
Тридцать лет умираю,
но пока держит меня здесь Бог.
Тридцать лет боль разрывает
тело мое, мне так дорогое.
Тридцать лет страданий,
докторов, лекарств, больниц...
Но я здоров.
Я здоровее всех живых.
Мой дух окреп,
и я не сник.
И это не похвальбы слова
себе,
это Любовь Божественная
мне.
Моя жизнь в красках
вечной теплоты.
Моя жизнь — волна
эмоций,
что только избранным понять.
Я счастлив много лет,
и продолжаю все мечтать
о небе и других мирах,
о звездах, что во мне горят,
о людях, что со мной
всегда идут.
Даже те, что навсегда
ушли, оставив земной путь,
остались с нами,
и идут, как раньше шли.

И только Бог,
и только Он,
и от Него к Нему
дорога роз,
других цветов
и полных счастья дней.
Иду... Иду... Иду...

18.11.2012.

***

Какую оценку поставить оппозиции?
Она в нас разношерстая,
и разные у нее позиции.
Боролись с кучмизмом
не жалея сил,
но бабки тоже собирали
для партий и своих машин,
и тоже проживают в термах,
не все, но основная часть.
Машины высших категорий,
известных брендов,
и свои есть у них заводы.
Потом боролись, победив кучмизм,
между собой,
пока не вытащили «клифт»,
террикональных хлопцев штык,
и те пошли, и помогли Юшку —
согнали с кресла
и забрали власть.
Полностью. Всю.
И снова оппозиция в борьбе
на новых «мерседесах», «лексусах» —
и где?
В столице все.
А может быть купить им
танки, БТРы, пушки?
Партия терриконов
продаст «за бабки» им эти игрушки.
Вместо дворцов — временки,
имею ввиду блиндажи, палатки.
Ты, оппозиция, служи!
Служи народу, что
растерзан, разуверен.
Служи ты Богу,
если хоть чуть Ему
ты веришь.

Отдай себя на жертву,
а не на славу!
Сломай хребет олигархату
как державе,
введи ты правду навсегда,
борись,
и не жалея себя.

18.11.2012.

***

Вентилятор гонит воздух
в открытую камина топку,
а дальше, тягой вверх,
по дымоходу все на город.
В комнате холодеет
по часам.
На окнах появился иней,
затем и лед.
Я слежу через замочную
скважину из кухни.
Здесь тепло,
и чай ароматом мне
навевал мысли,
но я отвлекся
и созерцаю в щелку.
Щели для меня — смысл жизни.
На окнах морды ледяные:
вот лисица,
а это — волк,
там — бегемот
и слон с двумя хвостами,
девица с четырьмя грудями,
а рядом женщина разделась и вода,
которая стекает со стекла
на мех лежащий на диване.
Я созерцаю это все
придуманное нами —
мною и моей женой,
которую купил в секс-шопе,
из латекса красавицу.
Чай остыл,
аромат пропал,
и нету сил мне новый
залить стакан.

Я снова отдаюсь любви
с моей женой,
целуя, нежно глажу,
и, порой, я думаю об
опыте в гостинной.
Мне есть чем заниматься.
Я — мужчина.
Я полной грудью задыхаюсь
и дышу,
эмоции расхлестывают ум мой,
и шучу
над чем хочу, когда хочу
в стране, где белый цвет
стал черным.
Обещали честную власть,
а дали злость.
У них календарь имеет девять дней
в неделе,
и воскресенье поменяли
на усредненный вторник
и, частью, понедельник...

19.11.2012.

***

Кандидаты с терриконов
нам пищали, обещали,
некоторые так кричали:
будет лучше, чем вначале!
Мы поверили. Избрали.
В нас мозгов,
как у тех курей, которых крали
друг у друга в пилораме.
А пришло опять начало,
стало лучше —
депутатам, что пищали
и кричали,
что нам всё наобещали,
а они уже сказали,
вы не ждите,
что обещали.
Будет хуже. Но вначале.
А потом пойдем
мы с вами прямиком,
как обещали: в дивосвит,
где нет печалей,
и тишина стоять там
будет с вами,
и деревья листьями
укрывать будут нас с вами,
птицы петь будут органом,
и не нужно будет манны,
той что ждете вы веками.
Мы поверили. И ждали,
некоторые не успевали,
уходя вперед ногами,
некоторые выпивали,
и сгорели, как спирали.

А мы ждали, не кричали.
Мы им верили вначале,
мы им верим и в середине,
мы поверим и в конце,
где рай нас ждет везде.

20.11.2012.

***

Ты — молодой, зеленый,
а я — ушедший в годы,
поросший мхом зеленым.
И мы с тобою в страсти
к деньгам зеленым.

Здрасте!

По траве зеленой
лист из клена
и желтая дорога,
которую гребем мы долго
и падем на костре
дымящем по земле.

Здрасте!

А многие деревья
лист зеленый держат,
и зеленью в просветах
приветствуют нас,
бегущих за поллитрой
водки пшеничной, чистой,
залить тоску зеленую
на коврик травы,
где прыгают синицы,
зелененькие птицы.

Зеленые лица
из-за забора, листья
зеленые, как деньги,
бросают нам,
и вертит один из них
копытцем у зеленого виска.

Мне б воды напиться!

Такой вдруг страх...

Но лужица — зеленая
от застоявшейся
давно уже
выпавшей дождиком воды.

Зеленые комарики,
и мухи все зеленые
на снеди нашей уселись
как дома у себя.
И нас качает ветер
волною дороги,
шепчет:
— Еще купи на вечер
пол-литра на двоих,
чтоб жизнь сложилась
в деле, в которое вы влились
водкою дешевой
за денежкой зеленой,
которой мало дома,
а хочется так много,
чтобы тоска зеленая
ушла из яхты-дома
по волне зеленой
с дымом от моторов.

21.11.2012.

***

Глаза, отточены фрезой,
и взгляд из них
острый, сухой.
И цвет тех глаз
мутисто-карий,
и черные края играют.
Но временами глаза
им полируют,
тогда с них блеск.
И черный, черный юмор
просится сам собой —
что за люд такой?
Какая раса и подвид?
Может, выведенный
новый генотип
для управления мирами,
которые не раз смиряли?
И бьется в рельсы
скорый поезд,
стучат вагоны в чистом поле
и эхо их пугает всех.
Куда, кого везут?
А, может, всех?
Вновь переезд большой
народов, что поджигали
на отходах
мирских объедков бытия.
Эх ты, родина моя!
И ты туда...
Твои иуды, твои нехристи,
мартини
сведут тебя под частокол
в снегах, где вечный холод,
лед,
где души сложат
по баракам.
Большой империи клоака.

Нам мало тех, своих,
отхожих мест,
что стали домом.
Пока есть
хоть мизер воли,
но и она сходит с нас.
В природе
не было таких очей,
их подняли из глубин земли
и возвеличили до палачей.
Они уже и кастой стали,
но основные дома
дали им по Европе.
Эх ты, Лондон,
и ты, Брюссель с Мадридом,
гонят к вам не только
деньги грязным миром
канализации из
нашей греходельни!
И вкус фекалий
будет мил
после огня,
что зальет большие
земли,
и мало будет площади земной,
жара будет стоять мартен-трубой.
Порой мы будем
суп варить под солнцем,
и водку пить горячей
без засолок.
И вам эти все наши,
что с глазами,
будут шакалами, дебресверями.
Их память
генетически хранит
тот пир,
где жрут людей
как птиц.

Они вам пригодятся
в смертный час
снести душонки в дом
к себе, что ад.
...А рельсы стонут по ночам,
идут вагоны тут и там,
и ложь клубится
паром ртов,
и пар тот тоже черный,
как и глаза, и бровь.

21.11.2012.

***

Солнечный день
прорвался сквозь тени
последней недели,
когда все дни были серы,
похожи один на другой,
и в смысле погоды,
и смысле душой.
Власти нам ввали опять
за все разом,
про экономику, что снова
заразой какой-то из Запада
повреждена —
нужна помощь народа
для братана,
сброситься, мол, всем, кто чем может.
Особенно деньги зеленые —
гложут они власть
беспрерывно:
как их изъять у народа?
Но не сдаётся народ
на ботало,
деньги зеленые прячет.
И мало им там, в верхах, —
столько украли,
считай, все в их руках.
А тут день солнцем залитый
утром восстал
над памятью нищих
духом и силой,
что им отменили
барским перстом
День Свободы.
Потом, как-нибудь,
будет другой,
а этот из закона убрали
в момент.

Страхом наполнены
головы власти.
Был День Свободы,
а стал проходящим.
Но Бог и природа
сделали милость —
день залит солнцем
возьмите подарком,
пусть в памяти будет вам
радостно, ярко,
и дети узнают, что был
День Свободы.
Сегодня нам радость
от Всевышнего Бога.

22.11.2012.

***

Луна в половине своей
растет с каждым днем
и мысли мне навевает
ливневым дождем,
и бегут их потоки
один за другим.
Что с ними делать?
Где применить?
А Луна говорит: «Не спеши.
Вечер только ведь начался,
сядь, напиши.
Не только себе,
но и людям другим,
населению мира и вашей страны.
Истожились народы —
распад
на касты, элиты ,
людей просто так...
Все беспокоит тебя,
я знаю,
но помочь всем нельзя,
они Бога не понимают.
И как вразумить тебе их
я не знаю».
И облака закрыли Луну,
как и всегда закрывали.
А мысли потоком бегут и бегут,
я с ними общаюсь,
как фундамент кладу
дома себе и людям страны.
Оставь все земное,
посмотри на миры,
на их бесконечность,
и их красоту.

А я ищу роскошь и к ней
все бегу,
но роскошь красоту имеет
недолгую:
то ли пальто, то ли штаны,
даже яхты, машины,
что так нам желанны —
все это мусор на свалке
со временем.
Остаются красоты земли,
природы, что Бог создал.
Они живы.
И снова Луна показала
свой лик,
я почувствовал руку ее.
— Ты держись. —
она мне сказала. —
Вот ваша власть
двадцать лет обещала
вам счастье с украсть.
Все разокрали, все размели,
жизнь стала хуже,
а что они?
А они протянули вновь
руки к народу —
законы, налоги, чтобы
драть уже то, что люди
хранят у себя дома:
и деньги, и ценности —
все заберут.
Потом они лопнут,
и лопнет их спрут
от невозможности что-то украсть.
И новые гербы,
и новая власть.
Ничто не ново подо мной... —
сказала Луна.

Любовь да Бог —
одна всем тропа:
и одиночкам, что с душой
изорванной бедой,
народам, что на пальцах сосчитать,
и населению, что бедное,
как в сказке про семеро козлят.
Но люди рвутся к земноте,
земным утехам в неглиже,
земному счастью,
где вещей, как в супермаркете,
и вшей от страха
сохранить богатство,
что уже мешает жить.
Люди всё рвутся в миросон,
где всё — тоска,
и всё — огонь
из преисподней
сжигает души, что живы.
И шанс их выправить —
почти что ноль.
Но время каждого
поставит на контроль:
кто изменится и станет
человек,
а кто останется
с выбором своим
земных страстей и утех.

22.11.2012.

***

Страх опять змеей холодной
с шеи, вниз, на грудь
затем спиной,
сволочью подкольной
знакомой из телевизора
всем мордой
группы юристов,
как будто бы народных.
На выборах камеры
влепили на участках,
миллиард сожгли, а с камер тех
одно несчастье —
по ним нельзя было
ничего установить.
Выборы байстрючили, как пить.
Понравилось бывшим
комсомольцам,
и теперь камеры
будут ставить за счет людей
каждому на службе и дома.
Четыре камеры
в квартире:
одна, в которую нужно будет
пять раз на дню поклоны бить
и кричать: «Слава, верховному
над нами!»,
в другую махать ногами
и оппозицию обливать своей мочой —
оппозиция, из пластика, должна
стоять доской,
а третья будет следить за
жизнью половой,
взимать налог по времени,
как с телефона сотового,
и герой, что может много,
хочет часто,
останется в большом накладе —
денег снимут дофига.

Хорошо тому,
кто слаб в этих делах.
Четвертой камерой снимать
здесь будут все —
и туалет, и душ,
и кухню,
и ещё...
Заначку уже не спрячешь
никогда,
жена, по сравнению с камерой,
пчела.
А сбережения семейные?
Все под контроль!
Рожи юридические строят
на большом изломе
новую державу —
Всеобщий и Великий,
Ежедневный и Тотальный
Шмон...

24.11.2012.

***

Великим в мире
памятников много,
а мы свои все сносим.
Все зависит от эпохи:
в одной были великими одни,
в другой — другие нам боги.
Эпох немало пропахало
нашу страну, что до Урала
и от Урала.
Сегодня и страна другая,
система поменялась
эпохально.
И тех великих, что когда-то
в грязь втоптали
сегодня снова на пьедестал
подняли.
Не всех.
Еще.
Пока.
И новые взошли.
Да! Да!
Тонны бронзы и гранита,
тонны мрамора.
И тихо скульптор думает, творит...
Мысль приходит и стоит —
новый идол так велик...
А потом к нему, большому,
идут колонны,
едут правительства машины,
идут партийные бонзилы,
идут студенты по приказу,
идут с любовью эпатажа,
и все несут венки,
корзины с цветами
дорогими
от уважаемых людей.

Поклоны в «светлый» день.
И люд снует туда-сюда,
приносит тоже два цветка,
и ленты на венках мотает
ветер.
Еще б туда, где надписи,
портреты,
тех кто поклонился
камню, бронзе,
кто просит мертвого-живого,
что для эпохи идол стал.
А дом сиротский недоспал
от холода и голода детей —
там денег не хватает
и людей,
а миллионы носим
под железо,
под камень выточенный умело,
просим идола эпохи.
Какая-то любовь у нас,
не очень...
Что-то не то в сознании
великих, которые еще живы,
не тихи —
себе готовят место славы.
Я не о воинах, солдатах,
я о кумирах и «великих»
эпохи, что сегодня пахнет плохо.
Я о живых сиротах плачу,
мне их жалко,
им кушать не хватает,
а мы всей страной венки разносим,
у памятников что-то
просим.

Падают цветы
на подножья памятников мертвым
от живых,
но жизнь их,
всех сегодняшних «великих»,
и дела их
давно мертвы.

24.11.2012.

***

Високо
в небі сірому
у вечір
птахи летять.
Перші сніжинки
на наше подвір'я
падають.
А птахи кричать
нам з вишини,
за собою кличуть.
А ми малі,
нам ще не летіти,
ми діти зими,
і на землі
нам чекати весни.
А зима підходить тихо,
щокожен день мороз і вітер —
не всім цю зиму пережити...
От і Ви, моя матусю,
пішли в світи далекі.
Весна прийшла до нас
без вас,
і осінь.
Дощі холодні,
все дощі...
А потім сніг,
і на поріг зими
ступили ми самі.
Птахи крають небо
жалем,
і плачі їх до нас долітають
ледь-ледь.
А ми малі.
Ми діти ще зими...

24.11.2012.

***

Правда в світі
вже на Стріті.
Там зачатий був антихрист.
Там росте він,
политий грішми
в крові з усього світу.
Він росте багато років,
в нього в мізках роги,
шерсть чорнюща
по всім тілі.
Але там десь, всередині. —
гроші, гроші,
що так люблять їх вельможі,
і привчили люд простий
до грошей як до води.
І сьогоднішнє життя
варте слини лиш плювка:
гроші — щастя,
за яким світ суне
в мряці
мрій та фантазій,
мряці сірки пекла
заради них,
грошенят дорогих.
У них розкіш
нескінченна,
звабні руки жінки —
члена ордена таїнств,
де п'ють вина з черепів.
Жінка стала теж
як гроші,
і біжить туди, де розкіш.
— Тьху! — сказав антихрист світу. —
Я не знав, що тут все — втіхи,
думав, що мені роботи
по зав'язку,
а тут всі вже розіпсились,
душу радо продають.

Совість, правда —
все відпало,
на Стріт саме пішло
в руки іродів моїх,
ради грошей і утіх.
На Землі мені
роботи мало —
можу спати і лежати.
Вся робота —
лиш мій дим,
що закриє небо, землю,
а населення вже в ложі,
що самі собі зробили,
не чекаючи мене й моєї сили.

26.11.2012.

***

Рудименты советской эпохи
двадцать лет бродят,
в виде партий и блоков,
страной, где давно нет советов,
нету партии Ленина,
и все песни пропеты,
где украдено все
до полушки,
где бандиты все собрались
в верхушке,
а люд голосует и тает
от надежды, что не умирает,
и всё уповаает
на дешевую жизнь маргинала,
где воспет он был
в песнях, что поумирали.
И мир отошел
на край пропасти жизни —
все продается и куплено все,
всем все до тризны.
А люд все надеясь
листает газеты,
где ложь, эпатаж
как билеты в царство,
обещанное сверху.
Царство света не дошло
им до цели,
а они все надеясь
на этих, что спелись
и собрались из зон
в одну зону

для себя и для люда, что звонит
без конца в телефоны
изливая в них боль
электронам.

26.11.2012.

***

Лежить велика лотерея
і джек-пот маленький
між ногами в неї.
Джек-пот ледь видно,
він заховався в лотереї
як в повідлі.
На лобі в нього цифри,
багато, —
це сума грошей,
які відхопить тітка чи, може, дядько,
чи молодий та юний хтось
з дурняку,
схопивши лотерею з джек-потом
за дупу разом.
Лотерея — то державна власність.
Після закритих казино
та гральних автоматів,
які пішли в підпілля,
мафія викинула нове
для дурнів хворих зілля.
Ця гра в одних руках:
тих, хто продає цю лотерею
невдахам із невдах.
Вони купують її, ждучи,
що в ній сидить джек-пот.
І лотерея
шльондрою у руки
мільйонам дурнів,
що марять про багатство
надурняк.
Лотерея по руках пішла,
джек-пот ховається десь так,
що й не потрапляє в руки.
А лотерея після гри
вже ладна хіба в дупу —
нема краси,
нема фантазій та любові.

Та знову черги, черги —
захопити разом
в любовному екстазі
джек-пот та лотерею.

Зараз.

Вони хутчіше всього
роблять це десь у сейфі
володаря державної агенції,
власність якого лотерея,
красива і зваблива,
та все ж таки —
шльондра і непотреба.

26.11.2012.

***

По улицам идут куда-то люди
без конца,
мчатся автомобили
все вперед, вперед.
мимо пробегают поезда,
из окон вагонов лица смотрят
на меня и исчезают навсегда.
В небе летят серебряные
птицы-самолеты
и прячутся потом за горизонтом.
Вот так мои минуты,
собираясь незаметно в годы,
бегут, чтобы догнать,
а, может, обогнать
ушедших вдаль людей.
И годы улетают
быстрее чем все поезда.
Их нельзя остановить,
и станций нет у них,
а только календарь,
что всегда тих.
Жизнь сокращается,
и исчезает то, что сзади,
лишь память ворошит
событий пряди.
За все заплачено любовью
души с огромной болью.
Не утихает в нас любовь,
взрывая боль
и трансформируя ее в любовь.
Закон Вселенной:
смерть, рождение,
и боль утраты,
и радость встреч.
И кладбищ тихих не перечесть.

В них жизни нашей
часть —
там люди, с которыми нам
приходилось жить, мечтать, —
а будет вся,
когда придется стать
пред Богом
и уйти,
уйти с Земли,
туда, где жизнь и люди,
что со мною шли.
А кладбища —
то для живых,
как жизни часть,
на память.
Прах могил
и символ жизни — крест.
Стоять они будут всегда,
хоть время будет
приводить одних сюда
и уносить других
отсюда навсегда.

28.11.2012.

***

Поезд уже вышел
и путь себе проложит сам.
Зло и его погибель
соберет по всем городам,
и, освещая солнцем
все, что впереди,
поезд улетит потом
на дальний край земли.
И нет ему преград —
ни горы, ни моря,
ни даже океан —
везде под ним
будет дрожать земля.
В контейнерах везя
зло мира на утиль,
в печи, что как домны
построил страшный мир,
и там оно в огне
расплавится, сгорит,
а шлак с него —
земля,
что будет хлеб родить,
служа героям дней
идущих напролом
через штыки врагов
опутавших пути.
И посеяв зло,
враги убеждены —
победа в их руках
в царстве сатаны.

Сегодня в мире
нет страны,
где бы не росла
эта поросль насилия и зла.
Поезд уже вышел,
а за ним второй...
Послужи ему, если ты герой...

28.11.2012.

***

Реклама для телевидения
как папа-мама,
что деньги несет в теледом,
хозяину канала и дамам,
что с ним в команде
всегда рядом с профессионалами пихают
варево по миру,
чтоб сделать всех счастливых
еще более счастливыми
в жизни у телевизора —
взамен реальных жизней,
проживать чужие,
которые смазливы, слезливы
и сопливы.

Реклама бьет как пулемет
всех смотрящих
напролет с диваном и софой.
— А черт с тобой! —
и кнопку я нажал.

Между рекламой —
мыльный карнавал
из сериалов и программ
политиков и политдур,
которые плетут, несут
сплошную чушь,
потом обрыв рекламный
снова бьет больных мозгами.

Затем — другой канал —
там дядя тетю обнимал,
а муж смотрел и думал,
чтоб дядя дал пол-литра водки
за любовь его жены,
ну, то есть, тетки.

А на каком-то вновь канале
учили кушать вкусно.

Мани плывут здесь за рекламу,
а все эти программы,
сериалы, шоу-бараны —
заполнить паузу
между рекламой.
Телевидение
гонит пургу не даром
для зрителей,
что оборвали все нити
сердца и ума,
оставив уши,
руку с пультом и глаза.

28.11.2012.

***

Капиталистическая система СНГ
похожа на колонию
для малолетних преступников.
Трудные дети, подростки
и взрослые люди.
Подмостки
театра абсурда и сюрреализма,
но нет художников
рисовать такие картины.
Забрал, украл, подкупил,
вступил, избрался
в партию, орден, общество, парламент —
лица серьезные, взрослые.
Дети — воришки, драчуны, хулиганы
из трудных семей,
простых школ,
и наганы, в возрасте детском,
настоящие.
Дети на рынке ищут
партнеров себе подходящих.
Фирма, охрана, водитель, машина.
Затем — боевики и трупов корзина.
Настоящих.
Дети тоже бывают убийцы.
Фильмы, фильмы, книги, книги...
Об этом пленки, об этом диски,
об этом книжки.
Насилие, коррупция, сила и власть
против несчастных, убогих
не в масть
жизни пресыщенной и нереальной.
Дети в колонии.
В будущем — дяди на рынок
взойдут, капитал заберут
и сменят ушедших
в скорбный свой путь.
И новые дети, и новые дяди.

Жизнь их в колонии
и на капитале
успешных хозяев
экономики тупо.
Все остальное — забыто, задумо,
заплевано, стоптано
дорожкой проторенной.
Как много общего
житья обьегорного!
А цели великие —
Дух и Спасение —
остаются на обочине
для чудаков и бездельников.
Взрослые дяди
и дети-преступники,
как много общего!
Сцена.
И спутники
в жизни абсурда театра сюрреализма
и зоны.
Везде режиссеры и их актеры
в стадном учении
успеха и действия,
силы насилия
и денег без меры.
Дяди успешные
и дети-преступники —
как много общего
в лицах и поведении.

28.11.2012.

***

Ноябрь в печали
в день последний свой
в ночи всплакнул дождем.

Он не хочет уходить
и меняться с декабрем.
Я его до боли понимаю —
последний день свой
на Земле

он слезами оmyвает.
Кто хочет уходить
с Земли?

Оставив Божью красоту,
уйти?

Ноябрь сильный воин,
смелый
в перепадах планов,
но не настроений:
то гнал морозы, то, вдруг,
тепло, а тут и дождь,
и ветер.

Холодом несло
и пронимало до костей,
люди прятались в тепло
своих домов,

Ноябрь листья последние
гнал из садов.

Ноябрь, моя любовь,
ты не грусти,
вернешься через год
обратно ты.

А я уйду в печали
навсегда...

Ноябрь притих,
оставив слезы-дождь,
и в Солнца попросил
огня.

Я слышал шепот ноября.

И Солнце, вдруг,
разорвав тучи
осветило все.
День рождался солнечным,
последний, ноября.
Один лишь день...
И я грустил с ним вместе.
Родной он мне.
И встречу ли его
опять я на Земле?

30.11.2012.

***

Дьявол, поначалу, —
богатый депутат.
Затем он олигарх —
не русский черт.
И выбрал же его народ,
купившись на дешевые
подачки!
Бог взирает с болью
на своих детей-сирот.
Умом их не обидел,
каждому дал мозг,
но лень включать его,
смотреть и думать.
«Проще жить», — как говорит
какой-то бес-придурок.
Иуды племя возросло
большое —
их стало так нестерпимо много!
И жить хотят все
шарой,
как их кумир, который дьявол:
все материальные изыски,
красивых женщин сиськи...
Лежит охлуй, мечтает
о себе.
Он эгоист еще к тому же.
На трубе сидит похожий на него,
но бес,
и дым с трубы, как занавес,
укрыл пространство
в полстраны
и сунет дальше.
И бесплатные штаны,
что хочет каждый,
как в депутата,
и машину,
и дачу-хату...

А все, что дальше,
ни к чему.
Охлуй мечтает,
выпив пива.
Почему?

30.11.2012.

***

Две тыщи лет после Христа,
а в мире все кумиры, идола
без конца.
Что миру слова Христа?
У мира своя есть голова.
«Не сотвори себе кумира».
А мир творит
и верит в диво,
что этот идол сотворенный —
равен Богу.
По народу и по людям —
страх наблудом,
но идет молва, что лучше будет.
Нужна гармония с вселенной —
так учат,
за большие деньги,
нервных и верных секте
церкви частной,
сравнимой со школой
для «избранных»
приблизивших себя к богам,
просят дух материальный.
Нет, не оговорился я:
и тут и там
ведут и говорят о благах,
земных достатках
и умных сзади,
что скоро будут впереди.
Деньги бери,
иди,
и там тебе мозги промоют
величием, что идол
превозносит себя
к богам.

Эх, мир! Ты тут и там,
запутавшись в кустах дремучих
людей дикорастущих
и ищущих не Бога,
а кумира, что лепту
собирает с мира.
Эх, мир! Ты спутанный
мозгами, руками и ногами,
крутящийся все по спирали,
как змеи и удавы,
все вниз с горы,
туда, где глубже яма...

30.11.2012.

***

Мне памятник поставят
на улице города родного.
Смеяться будете, но
это будет простой советский
унитаз:
на трубе бачок типа «Эврика»,
без начинки и крышки,
чтобы нечего было украсть.
Бачок чугунный
на высокой стальной трубе,
краской белой покрашенный.
На тебе! —
унитаз глубоко под землей
в пьедестале.
Памятник высокий. Необычный.
Боюсь все-таки,
чтоб не украли.
Скажете — прикол,
эпатаж.
Нет, не смешно мне и так.
Не заслужил я другой
у людей.
Я часто их звал идти
на борьбу за себя и детей,
но меня здесь
не слышал никто —
видно, плохо кричал я,
потому не пошли
и чего-то все ждут.

А я рву себе жилы и грудь,
мое сердце стучит в тишине,
где людей бесконечно в толпе,
но не слышат меня
здесь пока,
и цветы мне не дарят.

Река
людской боли плывет.
— Эй! — кричу им:

Народ!
А в ответ хитрый прищур
в глазах.

А в ответ мне что-то там
говорят.

А в ответ поколения людей
не хотят меня слышать.

Идей
моих тоже пласты
никому для борьбы
за себя
не нужны.

И я стал на колени
перед вами,
перед Богом:
— Я всех вас люблю! —
призываю.

А в ответ — море жутких
потерь,
что от страха и безразличия
всех.

Я кричу, призываю, зову,
но в ответ
единицы ко мне
лишь идут.
И мой памятник —
немой всем укор.
Без венков, корзин и цветов.
И мой памятник —
смех дураку.
Но я к вам еще раз
воином с неба
сойду.

30.11.2012.

***

Новые люди
уцелевшего мира.
Рождение новых целей
и смысл новой жизни,
после нефти сгоревшей
и газа, что ушедший
теплом от огня металлургии.
Плавили металл до конца.
Теперь под ногами всегда,
ржавеет омытый
кислотой дождей.
Автомобили —
памятниками гниющими на полземли.
Газ, что на химию
шел в миллиардах
метров кубических,
лег там, где надо:
в океанах, морях
и облаках желтых
с дождями сернокислотными,
стубившими все здесь
живое.
Уже не цветут цветы
по росе,
давно нет травы
в пыльной земле,
и деревья —
в огне будто горели —
черные, в саже.
Люди остались,
но их очень мало,
и молятся Богу,
просят любви
не к ним обновленным,
а к спасенью Земли
и новой природы.

А ветер горячий
несет водороды
и газ углекислый,
которыми дышат
люди от неба
оставшись в живых.
Планета больная,
почти неживая,
как с ликом луны
она обменялась
своей красотой
ради шутки успеха
на карнавале,
где главные бесы
в деньги одеты,
и деньги здесь — всё.
Деньги — боги,
и деньги на все
собирали всем миром
срезая леса
ради зеленой бумаги
со Штатов.
Ушла
по миру царицей
бумага,
крашена цветом травы.
Оплатила сторицей.
Сгоревшей планетой
и людьми
ушедшими в землю,
и власти все с ними,
с единой отличностью —
в богатые кладбища,
облепившись наличностью.

И ветер горячий
с газами выбросов
гонят бумажные
деньги как призраки
побелевшие в воздухе
от дождей с кислотой
и щелочью мочены
в речках с пеной.
И носит их ветер,
как листья какие-то,
но нет пока здесь поэтов,
чтоб описать все.
Новые люди
жизни другой
молятся Богу,
и я там, живой,
лечу, моля Бога,
над мне жуткой землей...

01.12.2012.

***

Совсекретный
план реформирования армии
для меня украл
мой приятель-генерал,
и пьяный завалился в дом
стуча себя при этом в грудь,
что он здесь не при чем:
ни к грабежу в войсках,
ни к планам реформ
не причастен.
— Я офицер, — сказал мне генерал, —
и честь моя дороже мне всего.
Служу я Родине, которая
смешною стала,
как фуфло,
и пала
ниже некуда.
Здесь, как в попсе,
на сцене и в мешке,
когда тобой играют
и попрекают званием вообще.
Листая план,
пьяный генерал
Советский Союз
все вспоминал
и плакал за офицеров и солдат.
Мат
летел из него, как пули,
мне в башку:
— В армии создают
мотороллерно-пулеметные
войска,
велосипедно-минные
«СК»,
вертолетно-посадочные
два полка
для охраны вертолетодромов
главбожка,

пропеллерные три полка,
воздушно-змеиные дивизии,
две пока,
и кавалерийский полк на пони
для отражения врага
в вагоне,
что бронепоездом ворвался
к нам.
— Там-бам-там! —
барабанный корпус
по врагам,
вооруженный щебнем и песком,
чтобы бросать его потом.
Дальше генерал выпил
и упал
на мой кожаный диван.
Я сам дальше не читал.
Я тихо молчал
и видел себя
во главе роты мотороллеров
в песках,
и пулемет: трах-трах-трах...
Твою ведь мать!
Как долго мы все шли,
искали все пути
для процветания людей,
и вот, нашли...
А генерал во сне
кричал команды,
и чаще чем другие
звучали: «Пли! Пли! Пли!»

02.12.2012.

***

Белые розы на белом столе,
белые розы — мне и тебе.
Белые розы, зимой, в декабре,
белые розы — снегом в траве.
Белые розы мороз по окну
рисует и пишет цветами
судьбу.

Белые розы и листья на них
огромным букетом
нам небо дарит.

Белые розы в начале зимы
снегом посыпаны
до самой весны.

А мы взираем на мир
сквозь окно
через белые розы
и нам нелегко,
что снег засыпает
траву и цветы.

Но белые розы
доживут до весны
нашей с тобой.

В горящих глазах
я вижу розы,
а шипы —

то все так...

Жизнь развернется
когда-нибудь вспять
и только шипами
мы будем играть,
терпя боль утраты
наших цветов.

Белые розы
в снегу, подо льдом...

02.12.2012.

***

Форварди футбольні
кинуті в недолю
із клубу золотого
десяtkою блатною
з мільйонами в рахунках.
На вулиці
притулок
віднині для кумирів —
славетних бомбардирів
для йолопів в країні,
а хазяїну — клуб.
І нині
нові бомбардири,
бідні як миші сірі,
щоб бігати всім в милі
на радість фанкумирів,
тренерів, що в ділі
хазяїна клубу монетного ігрилю
за гроші,
що з гордині течуть
з піною в милі
калікам, що зробили
футбол життям.
Кричать трибуни.
Хвилі тіл спітнілих,
сили
дівати їм не в мило.
Занедбана країна,
зате є бомбардири
з мільйонами
і діри заклеєні в квартирі,
щоб жити бомбардиру
з чортами
за клуб милий.

02.11.2012.

***

Референдум — власть народа!
Лозунг месяцев последних года.
А из борда смотрит морда
отмученного, похудевшего политмилорда,
что в отставку скинул люд,
оторвав от кресла.
Крук под Россию стелет мягко,
там не всем пока понятно,
но просторы диких прерий,
банды, мафия, картели,
горе, что ведет к постели
умирать народ,
а стервы
продолжают рвать куски
мяса жирного.
Почти
все разобрано панами,
инорусскими быками
с крышей Стрита.
Штатов
битой
угрожают всем, кто противник
либеральных греболопов,
кто не хочет себе хату,
в океанах дальних остров,
на востоке дом высокий.
Кто за Русь и правду
в ней,
тот там враг,
еще сильнее,
чем те шкурники,
лярдисты, что жир
тянут
себе, близким.

Русь в упадке
добронравов,
Русь в упадке отстрадала,
Русь пытается понять
кто ей враг,
а кто ей брат.
Но за шляпой не видать.
Шляпа черная и рыло
Русь накрыла и закрыла
рот буйнистам, буйновым,
что артисты на полове.
Русь горит внутри себя,
а тут наши, ну, братва,
что хотят соединить
двух сестер
и двух купить
как калым себе
для дома.
Рожа в борде,
а не в допре —
так знакомо
в этой дохлой
и обманутой стране.
Референдум — на коне!
Принят с целью
предостороги
обмануть народ,
колодой,
что лежит и еле дышит.
Шанс большой есть
у Вовы, Вити,
как никак — политики,
держат руки,
держат страны.

Ветер веет сизой
дымкой,
облако от сигаретки
вышло
через окно,
где наливают,
где постель,
и там играют
душами людей сглупевших.
Биты сохнут,
ждут оценки
референдума по стельке,
а дурак и вилы в руки,
тоже в борд
за деньги суки.
Сука с сукой,
кум на куме
объегорят нас, надуют,
а затем отреферендуют.

02.12.2012.

***

Мы все больны деньгами,
и роскошь как-то неприлично
тронула нас с вами
за те места
закрытые от глаз чужих всегда,
и нам понравилось.
Она была нежна,
не то, что женщина, жена.
А женщины вообще сошли с ума —
роскошь покорила их навсегда,
и женщины открывали все,
что можно ради мгновений
прикосновенья к ним тоже.
Женщины оказались здесь
сильнее чем мужчины,
а потом все смешалось
в этом мире.
Деньги с роскошью
нам заменить смогли семью,
отца и мать,
и Бога,
и страну —
заради них люди пошли на все.
Деньги и роскошь
развертели власти в мире.
Но это что?
Война сменяется войной
ради них, шуршащих,
и прибой
ласкает яхту,
где женщины, мужчины
в дорогих нарядах, украшениях
вступили на путь роскоши
излишней,
а пушки гонят все снаряды.

Слишком
как-то все померзотело —
цивилизация, где капитал
и дело,
где мало в чем нужна
культура,
не попса,
а музыка, литература.
Какая-то хандра
достала многих,
кто не смог достичь успехов
в этой гонке,
кто сорвался с поезда с деньгами
и упал.
А кто-то разочарован
жизнью стал.
А пушки гонят все огонь.
Ракеты, вертолеты, мины...
Трупы лежат и без могилы.
Но деньги движутся рекой,
открытой не для всех...

03.12.2012

***

Звон колокола храма
ветер разносит по округе,
и слушают его редкие,
в селе оставшиеся, люди.
Кто ушел опять,
от жизни тяжелой
отдав душу Богу,
тем самым прекратив
свои несчастья.
Людей в селе —
на пальцах сосчитать.
За двадцать лет ушли
отсюда кто куда.
Одни на небо, далеко за облака,
другие съехали искать
судьбу полегче.
Голос детский исчез
и школы нету.
Село как хоспис стало —
место, где ждут смерти.
Среди природы, Божьей красоты
жизнь невоготу,
тоска и одиночество,
и тяжкий труд
для мизерной еды.
Они все старики.
А в хосписе, по телевизору,
все по-другому:
комната, удобства
и заботы.
А здесь каждый предоставлен
сам себе,
отдав всю жизнь и силы
бросившей его стране.
Еще была война.
Но все забыто государством.

Вот память — ордена,
и то за ними воры
влезут в любой час
украсть, продать,
еще могут и убить
за два десятка гривень,
чтоб затем пропить,
а после и на поминки прийти,
опохмелиться.
— Вот скоты! —
подумал дедушка у очага.
А кто скоты?
Воры? Страна?
Да это, считай, одно.
А колокол звонит,
ветер гудит
и пламя озаряет лик
в морщинах
и глаза,
в которых бесконечная
ненужность и тоска.
Село как хоспис по стране —
закрыты хаты,
и люди уходящие во вне.
— Кто виноват? —
один вопрос уж много лет.
Народ здесь виноват,
что власть отдал,
оставив себе только тяжкий труд,
брехню, которую ему несут,
и одиночество вокруг.
Село как хоспис стало,
но не вдруг...

04.12.2012.

***

Двадцать лет летит страна
куда-то в никуда.
Падают под седоками кони
загнанные, и от старости, и от погони.
За ними гонится беда
вся в деньгах и проводах.
Провода, чтобы свести
еще ближе до беды.
Но мы летим,
коней теряя,
бросая их на обочинах в канавах,
новых все приобретаая.
Но поголовье
не растет,
уменьшает их наш полет
над бездною и в никуда.
Пена, храп, копыта в кровь,
зубы крошатся.
Подков
не хватает тоже нам —
кузнецы ушли за счастьем
по другим мирам.
Те, что гонят нас, страну
все какие-то...
—Ну-ну! —
мне прокричал над ухом ухарь,
мент-начальник по прорухам. —
Ты мне брось верхи таранить!
Ты пиши как русский парень
пишет все смешное людям
про дураков Руси,
ну, шутит,
а про власть там ни гу-гу,
и в почете все...
Угу...

Я послал его в душе.
и пишу про неглиже
всех властей за двадцать лет.
Все мурлы они,
есть только Юля с Юрой
наши.
Люди любят их,
но власти
засадили глухо в зону,
корча морду борзую,
что здесь мы и не при чем —
то все суд и прокурор.
Ха-ха! В стране летящей,
прокурор, судья обпачкан
от тошноты той вечной
тряски,
страха гонки, догонячки.
Они давно уж потеряли
все людское.
О морали я молчу.
Мораль отдали палачу,
он ее продал чертям
за жизнь красивую,
а там лишь бы мчать ордой
куда-то.
Кони падают.
солдаты умирают на ходу.
А страна бежит, летит
по команде из далекой стрит.

05.12.2012.

***

Олигархи, псы цепные,
роют ямы
в камнепочве по офшорам,
чтобы спрятать на день черный
кости сладкие людские.
Цепи их в руках,
тугие,
держит сам гарант
Конституции,
о которой пьянь вспоминает
лишь на праздник
за столами,
где сытоважных
подобрали попить,
погулять в честь Закона.
Мать
молится за всех своих сыновей
на земле, на небе,
чтоб стал человеком сын,
а он, часто, — зверь,
псин —
морда страх наводит жуткий,
зубы, когти.
Любит слушать
только похвальбу себе
и счет денег.
Сын, как зверь,
не с людей исшедший духом,
а черт знает что.
За ухом
метка черная.
Рычала
его мать, когда рожала
в свет тогда еще чуть белый,
а сегодня потемнелый.

Солнце светит лишь в офшорах,
там края тепла, любви,
там склады деньжищ страны
сбритых умно.

Не скажи,
у нас тоже свет ведь есть,
тоже греет души многих,
что идут дорогой к Богу,
хоть без денег,
но в тревоге
за страну свою,
и молят Господа о правде,
о людском коротком счастье
без цепных собак рычащих,
без гаранта, что раскрался,
и о войне с небес,
что ведет людей не в лес
до осины
на страх темный,
а на землю —
хлеб посеять,
полный правды
дом построить,
жить в любви
и Бога помнить.

А в офшорах,
то не свет,
то блеск золотых монет,
что исчезнут вместе
с псиной
в день, что, думаю,
назначен чистой силой,
и не сбить
день тот с календаря,
который уже висит.

05.12.2012.

***

У садочку, біля тину,
розквітли твої жоржини
жовті, білі та червоні,
люба мамо.
Твоя доля —
то жоржини як намисто,
білій хаті
радість, вісті
все хороші та веселі.
А калину під криницю
посадила ти
і сказала,
щоб було їй там що пити.
І калина — дві сестри
підросли,
гіллям сплели
пташкам дім.
І цвітуть твої жоржини
і калина
листям м'яти-рути
попід тином,
теж зеленим,
на подвір'ї.
Білий сніг додолу
падав,
листя облетіло в осінь
із калини та жоржини,
і морози
похилили грона ягід
зчервонілих.
Я збираю їх, — примерзли...
Тане лід в руках,
стікає
краплями холодними.
І моє горить обличчя,
сльози висохли всі чисто.

О, мамо!
Ті жоржини
в душі моїй
не помирають...

05.12.2012.

***

Тени ветвей по снегу
черной сеткой по белому.
Лилии по тротуару раскиданы,
лепестки уже
черно-белого цвета.
И топчут идущие люди
цветы не замечая наружи.
Старик со скупой слезой,
а мимо машины железной рекой.
Вместо тумана — дым
отравой,
убивая все живое
и снег загрязняя.
Фонари блеклым светом
в воздухе морозном.
Старик что-то шепчет,
людской толпе
неудобный —
мимо пробегают, не замечая,
и только автомобили
в нервах сигналият,
пытаясь обогнать друг друга,
железной рекой
минуя
одинокую фигуру
во мраке тени.
От окон исходит редкий
свет.
Понедельник.
Город гремит и жужжит
железом,
утихнуть ему не скоро, наверное.

Старик скупые слезы
вытирает.
Кто он?
Зачем живет,
а не умирает?

09.12.2012.

***

Мне свободу бы купить.
В банке взять кредит.
Отпить
из бокала вин всех разных,
и внести кредит во власть
денег много,
чтобы всласть
погулять по дикополю,
полетать по небу голым,
прыгнуть в море на полгода
белым-белым пароходом
в кругосветку
с Юлей с зоны,
раздолбав забор —
основы
всей тюрьмы по кирпичу
вывезти спецпоездом
в Междунорье подлецу
и палачу,
и уйти под парусами,
Юлю вылечить вначале
на морских ветрах соленых,
а потом вернуться
Домом,
что Советы для страны.
Юлю выбрать.
Пацаны все ко мне на пароход,
и через северный проход
прямо в город Магадан.
Там жилье купить им,
там выборы пусть происходят,
но без нас,
ну без народа.
Мне б свободу бы
купить.

В банке взять еще кредит
и влить, всадить все
в пушки, автоматы
и катушки кабеля для связи,
чтобы им связать все банды
и свезти на полигон
для мишеней,
а потом
вас, аристократов, что свободу
сбили махом, отдать,
в тот же мах,
другой стране,
той, где деньги ваши.
Мне не нужно ничего —
лишь свобода
и ружье, чтобы
Юльку охранять
после зоны,
а блядей, что туда ее зарыли,
вывезти в родной Кузбасс,
и палаток не пожалеть
подарить им —
пусть покоряют
новый свет.

09.12.2012.

***

С моралью жизнь сложнее,
чем без морали.
В аморали
не нужно думать о поступках,
лишь вначале,
что-то щекочет в клетки грудины,
затем проходит.
Нет тоски,
и длинны
в развлечениях
и в радостях погони дни.
Дни в аморали
отдельным видятся как недостойны.
Но то — отдельным,
что живут особо, —
страданий их так много.
Ночью мне снятся самовары,
а в снах дневных
я вижу баб,
все с медом, калачами.
И рвись моя струна
гитары —
я сегодня снова загуляю!
Что дочь, что мать ее —
лишь было б больше водки,
и музыка, и музыка
так громко,
чтоб слов не слышать
никаких,
а только шорох губ твоих
и тело, что в моих руках
горячих,
и кавардак,
что греет сердце
всем.

Мораль — история
ушедшая,
как кажется сегодня, —
насовсем.

И мы живем, гуляя,
и гуляем,
и жизнь под музыку
с двух нот
нас умиляет,
и рвутся струны
всех гитар, пьянея
от развлечений,
что стали
нашей жизнью
пофигений.

12.12.2012.

***

А белый снег кружится
и летает,
а белый снег ложится
на деревья, крыши,
землю покрывает.
А белый снег
на лице твоём тает.
Щеки твои горят
и губы полыхают
в моих губах.
Ах, любовь, в зиме и декабре!
Ах, любовь, смешалась
с белым снегом
и чиста, как снег!
А снег летит,
и ветер кружит над землей.
Снежинки падают
на нас с тобой,
и мы уходим
по заснеженной тропе
все дальше в парк
и ближе все к зиме.
А зима нам не жалеет
снега,
а зима любовью
переполнена как лето,
и время года
значений не имеет.
Дорогая,
я здесь в снегу
от счастья жизни умираю.

11.12.2012.

***

Бог наповнює нас любов'ю.
То квіти весни, то літо,
осінь, зима і ти, мій друже.
Бог, не шкодуючи сил
в нас вірить.
Бог віддає нам все,
що на землі щасливій,
Бог і в тугах життя
завжди з нами.
Бог любить своє дитя,
а це ми з вами.
Сніг з неба —
від Бога радість.
Дощ з неба —
від Бога щедрість,
і все на землі
співає,
хвалить наше життя
і Бога славить.
І я, як дитина в снігу,
купаюсь,
я так люблю Тебе, Боже,
і каюсь, каюсь, каюсь,
а Ти, Величний,
прощаєш.
І зима зловить нас
у вир щастя.

Сніг білий на нашій
землі як завжди,
і зима зігріває
Духом Божим
кожне серце,
особливо те,
що в тривозі.

11.12.2012.

***

Джонсон сделал Валере
предложение.
Валера, не думая, мигом
согласился.
Свадьба в понедельник —
первая, однополая, в Украине.
Власть дает молодым квартиру,
большую, в новостройке
над рекой.
Там будет молодым покой.
Хоть смеются журналисты —
молодым за шестьдесят,
и один из них уж лысый,
а другой, раскрашенный под рыжего, — седой.
Вот шалопаи!
Пир горой.
Гуляют их коллеги-антиквары,
владельцы партий,
депутаты,
министры,
горсовета люди.
Гуляют солдаты
двух бригад,
гуляют жены бывшие.
И гад один,
ревнивый,
взял вилы
и пошел на стол.
Его остановили.
Милиция оштрафовала
и отпустила.
А пир гремит,
и черт посаженный,
как генерал
с четырьмя звездами,
сидит.

11.12.2012.

***

Зашли сегодня
в зал верххаты
вновь избранные депутаты.
Кто-то жизнью доказал
свою прилежность,
кто-то в борьбе с программой
доказал свою же верность
служить народу и стране,
а кто-то и купил электорат,
сидящий как вовне страны,
байстрюк без роду-племени
от сатаны,
а кто-то из-под орды
приплелся оторвать калым —
его избрали те несчастные,
где дым отравой
прополоскал мозги.
Пришло их много честных,
а много от пурги
нечистых слов и помыслов.
Ослон умнее их,
хоть с дерева его собрали,
но стоит, молчит.
Эх вы, народ,
попавший меж тисков
железных рашпилей
по головам!
И гром не грянул,
чтоб креститься.
Вы все что-то ждете,
чтоб молиться,
чтоб мудрость получить
взамен дурьбы.
Так не бывает на земле.
Служи тому, кого избрал.
Живи, как он тебе назначил,
он твой кумир.

Шакал,
и вас научит
по шакальи шавкать,
и шарить по пустых
мозгах-прилавках,
а там — лишь ветер,
грязный, черный,
тот, что не от света,
а с преисподней.
И мир абсурда мы
склепали,
теперь его мы укрепляем,
надстройки лепим
по лекалам.
Мир мерзости и хитрой
лжи орды
и иноверцев.
— Не скажи,
кум,
не скажи, —
они сильны, их партия,
и лица так важны.
— А что внутри?
Кум пьян.
И тот, его куманек
нетрезв.
Залили зельем рот,
построив сюрреализма,
с гнили, плот.

12.12.2012.

***

Оттенки жизни моей цветные
ломают тени
промозглых ливней
воды иссохшей до слёз соленых,
а, может, это мое море,
что я вижу сквозь решетку,
мира полоску
до стены соседних зданий
у реки, где нет воды.
И только иней по стенам дома,
холодный камень,
как сердце,
чтобы жила память
кинолентой,
мотки которой эквивалентны
длине Вселенной,
а, может, и больше.
Чтобы жизнь была ключом здесь,
где даже смерть,
как праздник года.
Поговорить есть о чем,
и, чтобы не забыть мне
речь людскую,
молю я Бога
и рисую
по стенам пальцем,
стирая иней,
имя Бога
и «Мария»,
что светом солнца врываясь
в окна,
вращает память,
и долго-долго
слеза смывает
грусть с лица.

Ничто не вечно.
Луна лишь с нами
и счастья доли
судьбы бегущей
жестоким ливнем
дождей в минувшем.
И помощь где-то
я обещаю
всем вам
кого я знаю,
кого не знаю.
Молю я Бога
за мир стеклянный
с разбитых башен
и бокалов.
Мир из решетки,
но не случайно
его я знаю.
И нет здесь тайны,
кроме Бога,
а все, что меньше,
мне лишь тревога
за детский лепет
и слов фантазий,
за их смех и тихорадость:
а вдруг падет стекла осколок,
поранит их?
Эх, мир котомок!
Идущих дальше и дальше
вниз
ради счастья несчастных игр
людей заблудших
и в горервань
отдавших души
за один разбитый бокал...

12.12.2012.

***

Лед тишины
и лед безразличия
к жизни простой.
Все ушло на величие,
величание
правителей мира
и их судьбы,
что всех придавила.
Но силу великих
последнего века
сравнить можно
с силой медной монеты.
Ломается, гнется
перед другими
и очень гордится
своею гордыней,
и страх как боится
войны и бедыней
в виде бунта или революций
поднявшихся масс
против деспотдискуссий
чей коньяк лучше,
и как вчера крабы,
какие сигары,
и, конечно же, бабы.
Спросите партийных вождей,
что в последних годах
двух столетий
на громкий миллениум
почти все с позором
ушли, чертыхаясь
на неблагодарность народов,
что не все поздыхали.

А народ подорвет
и снова в величьи
величанием величи
славит кубышки
правителей нынешних
в деньгах где все тело,
и заначки, запрятки.
Это так надоело!
Лед безразличий
к жизни простой,
где, может, великий
у Бога святой.
Но силы уходят
туда, где верхи,
их славят, возносят,
а те при жизни своей
готовы принять
на могилы венки.

12.12.2012.

***

Люди встают в огне
пашен, горящих летом.
Снится война вновь мне,
и приговор победам —
дымом хлеб уходящий в небо.
С ветром и золой
несется по полю удаль
политического быдла.
Деньги, просторы, деньги —
и армии уходят в ночь,
чтобы вернуть вновь время.
О, палачи!

Люди лежат костями
в брошенных ныне полях,
поросли лесом
могилы разных солдат,
а в кабинетах гетто
богатых столиц истеблишмент
страусиными туфлями
меряет персидский ковер.
Момент!

И мысли, мысли те же,
что сто, двести лет назад:
чтобы было много хлеба,
пушки должны стрелять.
И армии движутся небом —
погибших души в пути —
на тысячи лет конвейер
и из него не уйти.
Будь на то воля Божья,
а не шиза быдла,
война была бы тоже,
но другая,
совершенно другая война...

12.12.2012.

***

Первые «тушки»-предатели
в новом парламенте.
Хозяева лавки
«Битые валенки»,
фирма «Кабанов и сын»,
отошли от оппозиции
в терриконы
дорожкой
проторенной, старой,
но отремонтированной,
так, чуть, немножко.
На очереди — лавки
скобяные, скорняжные,
лавки галош, огурцов малосольных,
так, что никак не предать —
не получится.
Население наше
подлючится —
сотни лет
в генной памяти всех
стоит с героем предатель.
Предательство здесь,
как часть бытия.
«Битые валенки»
не враги для меня,
но лавка еще оправдывает себя,
и сын подрастет до отца,
и внук станет
тоже предателем в них,
а дочь
в проститутки уйдет,
чтоб доить шоферов из фур
на дальних путях —
планида такая,
и тут
вопрос не во врагах.

13.12.2012.

***

Любящий себя уже несчастный.
Любящий себя
в редкие моменты видит счастье.
Кажутся огромными обиды
от людей,
чьи игры жизнью
недостойны человека,
но нам от них так больно,
и навеки с нами
страдания воды в стакане.
Любящий себя
о себе мечтает.
Он хочет счастья море
на земле.
Земное счастье
от любви земной
к земным пристрастиям,
и, порой,
все заслоняет боль
обид, обид.
А ты постой и осмотришь
на Божий мир природы,
на людей, которых
еще много,
и мысли свои направь
ты к Богу.
Забудь ты о себе,
и теплым ветром
и дождем в середине лета,
пушистым снегом
отдай свою любовь к себе
ты в вечность.
Отдай ее на Бога и людей —
она потом к тебе вернется.

Будь смелей,
забудь себя,
забудь, что ты здесь есть,
и все обиды, горечи и лесть,
которая всегда черна,
пройдут мимо твоего я,
они устанут в поисках
и не найдут тебя.
Стань сильным и терпи!
Да, это трудно.
это больно.
Подумать только —
себя ты не люби!
Но Бог пошлет
талант и дар
еще здесь, на земле.
А там, где вечность...
Туда ушла твоя огромная
любовь.
Она там ждет тебя,
и ты встретишься с ней вновь,
но сильным, смелым
и выше всех обид земных
и оскорблений.
Миг.
Всего лишь миг
земная наша жизнь,
не для того, чтобы
себе все здесь,
себя любить.
Похорони свою любовь
к себе,
и море счастья
обретешь ты на земле...

13.12.2012.

***

Страх высоты.
страх большой воды,
страх войны,
страх измены мужа или жены,
страх голода,
страх суммы,
страх пожара...
И вдруг вы
все страхи променяли
на страх один,
что свету подошел конец
ровно двадцать первого числа
месяца холодного, декабря,
в году двенадцатом.
И страх какой-то,
как с шизой,
щекочет чуть-чуть нервы,
немножко попы,
что разъелись,
и истощенную промежность
от злоупотреблений.
И вечность кажется
смешной —
слетит Земля с колес,
и все гурьбой сорвутся
в космос.
Корабли,
не вы.
Вам Бога бы бояться,
читать Писание Святое,
а не смеяться от
ухарства-безумства.
Придет для каждого
конец свой
и зима,
особенно для тех, что
верили и ждали,
ждали и рассуждали.

А мир в потемках
и беде так многих,
а мир идет вообще
не той дорогой.
Об этом говорить
не интересно,
а нервы щекотать
и мастурбировать
их бесконечно —
это всласть.
Скоро обед, а там и вечер,
пройдет день, что
отмечен
злым духом
в дураков
на лбу,
где плесень
и метка со звездой
на кожаном кашкет-берете.
И будут новые искать
пути для чахлых нервов,
чтоб мастурбировать
их и во что-то каждый раз
по новой верить.

21.12.2012.

***

На моем окне
тюльпаны по весне.
Цветущие сирени
тянутся ко мне.
И снится мне зима,
холодная, в снегах.
Сосульками свисает
лед на крышах
и не тает,
и дороги — снег и лед —
тянутся промозглые.
И вот —
я в этом сне рвусь к себе.
Там тюльпаны и сирень,
там весна который день,
но проснуться не могу.
Снег летит, и я иду.
И, вдруг, — белые лошади
по городу белому
в белых снегах
под метелями,
и звон колокольчиков
с ветром смешался.
Белые лошади
и красные сани
в красных коврах,
и извозчик белый как ангел.
Лошади носят нас,
и мы рады
чувству любви
взаимной, прекрасной.
Белые лошади,
город в снегах весь.
Любовь наша
красная
на красных коврах.

Белые волосы
припорошены снегом,
и ты вся сияешь
от счастья.
О, небо!
Пусть не уходит сон
из зимы.
Пусть бесконечно
мчатся лошади
до нашей весны...

21.12.2012.

***

Грозные башни
построены Грозным,
русским царем, —
подвал в преисподней.
То он святой,
то он злодей,
но башни стоят
на горе людей
на их головах и спинах
согнутых.
Стояли и будут стоять
с ними люди.
Ветры заносили вдруг перемены,
но ветер есть ветер,
а не стог сена,
ветер врываясь
взрывает всю затхлость
и освежает пространство
внезапно,
и головы наши стают
вдруг свежи,
и сердце стучит
гулко в груди.
А ветер уходит,
и все затихает,
мы снова в удушье
те дни вспоминаем,
и просим, чтоб ветер
новый пришел,
принес навсегда перемены
и кровь
наша служила
добру,
а так ее льют с нас
и всегда ждем беду.

Башни угрюмостью грозной,
фантомом,
через души прошли
и остались там домом,
что с болью
все время держит за грудь
каждого здесь
на этой земле,
А, может быть, вдруг?
Новый нам ветер
перемен навсегда
без всяких союзов, таможен,
а так:
на Богопорядке,
на Умозвезде,
что мудростью выведет всех
и везде.
Но это лишь благо
мечты по живому,
любовь за свободой
и свобода с любовью.
Грезы и сказки
без башен угрюмых
с совестью чистой
пилотов стоумных,
с хитростью бога
растущего здесь,
идолом ставшим для многих.
И лесь
льется рекой под землей
на очистку
вместе со стоком
отходов нечистых,
и все намешалось
в этих краях
под солнцем свободным
от Бога.

И так
хочется верить новой
волне спасителей нации
на грязной земле.
Но вера стоит как столб
на ветрах,
а мечты улетают,
оставляя лишь страх.

21.12.2012.

***

Мне не нужна
слава без любви.
Мне нужна любовь
и, может быть, без славы.
А в мире все так и осталось —
зависть, зависть, зависть.
Поедая поедом
тех, лучших в родном доме,
кто в трудах на благо
песни,
от которой в бесконечность
не уйти, не оторваться
от своих земных страдальцев
в копоти от сажки, черных,
роются все под забором
в поисках сокровищ и благ.
Зависть денег,
зависть так.
От испорченности душ
здесь любовь как
лозунг.
Тушь
сплывает по ресницам,
слезы льются по девице,
что «слюбили» не сплатили,
убежали,
пока девочка место мыла,
которым денежно «любила».
О, любовь!
Ты нас прости
за уродство отношений,
за эрзацлюбь и алчность
денег,
за испорченность ума.

Ты, любовь, всегда была
чистой, светлой,
с неба цветом,
ярким,
как в лугу цветы.
А мы строим здесь
планету, где лишь деньги
и посты.
Что мне слава?
И зачем?
Что с ней делать?
Для людей остается
зла кощунство.
Славы нет давно,
осталось
лишь мельканье
лиц безумства.

21.12.2012.

***

Все повторяется
и ощущение, что это вечное.
Взрывы в Дамаске, Кабуле, Каире,
по всей земле полыхают
фонтаны вздыбленной земли
и разрушенных зданий.
Частями разделанными
летит человечина,
на выбор:
филейные части женщины,
органы сладкие,
секунду назад лишь живые,
но еще теплые,
но уже не смазливы.
Части мужчин
и детское мясо —
косточки нежные,
части гуляшные —
ешьте вволю
господа контроля
над миром, зашедшим
так далеко.
И вволю злом пропитавшись
и насытившись,
новые приходят
Путеводители,
им тоже нужно размяться силой,
но не своей, а пушечным мясом,
чьим то сыном.
Ихние дети — принцы.
Они под охраной,
накормлены, сыты,
скорее, пресыщены
блеском жизни.
Что им люд простой?

Так, занавеска
от дали,
что глаза пялят,
и не увидят,
люди мешает.
Вот и посылают,
посылают, посылают...
В храмах свечи
горят тихо.
Молятся люди Богу открыто,
но Путеводители
скрыто...

21.12.2012.

***

Страна вошла
в глубокий политический невроз —
украли дышло
и развалился перегруженный
главвоз,
а кони в яблоках
ушли с молотка —
в далеких странах
они уж навсегда,
приносят прибыль и доход
и продолжают славный род.
Люди подсели незаметно
на иглу,
политнаркотик,
на общую свою беду.
Одни кричат: развал!
украдена страна!
Другие говорят: фигня!
Растет все,
и идет подъем,
но просим вас, людей,
взять лопаты и очистить
хоть от снега дом.
Весной — на огород,
копать, кормить семью.
Буйные кричат:
«А как общак?
Где бабки, блядь?»
И выступает из нервного
пространства,
из телевизора,
чиновник.
Глаза, как яйца,
и хитрый, видно, обормот,
он говорит о твердости
нацденег,

и чтобы люд стране
помог —
валюту обменял,
пошел по банкам,
сдал,
помочь стране.
А буйные в психушке
на волне.
— А что я говорил?! —
кричит один. —
Они украли все!
А вышки нефтяные, «хюндаи» —
то мелочи, конфетки.
Посмотри,
какие жирные
кроты.
А сами? Что, не сдать
свою валюту, блядь!
Кричат в психушке буйные,
визжат,
другие рвут забор в верххате.
Гад!
А ты его построил здесь
на деньги-то страны?
Зачем ломать?
Иди ты на дворцы
и там ломай, копай.
Пиши!
И писяют опять в штаны.
Им говорят: пиши невроз.
А в ванной жена мужу
спину трет.
Он — сам министр,
и еще тот!
Мокрой рукой хватает
жену за халат
и лезет дальше.

— Блядь! —
говорит жена. —
Ты пьянь, и срам твой
мне в остатке — на фиг.
Дрянь,
спустил все, прогулял,
и деньги, и вокзал, который мой был
до вчера.
— Так власть другая-то
пришла!
Забрала тот вокзал,
«хюндай!» и паровоз,
что я держал
на память, так, под паром, гад.
А в телевизоре везде попса
и политдебаты
сменяются на мыло опер
и рогатый
с метлой и ломом,
костоправ,
ведет, сука, базар
кто прав и кто не прав.
Жена мочалку бросила
в слезах,
послала матом мужа
и пошла
пялиться в экран.
А муж утоп
в ванной, блин, в пене
мыльной, дорогой,
французской.
— Фу ты мне! —
сказали доктора.
Какая жалость. Навсегда...
Приспустишь флаг страна.

А моя
с пола подняла трусы,
одела и пошла.
Куда?
Дверь стукнула.
И как всегда
напьется сука,
и — в телевизор
все щели, то есть глаза.
А я копал траншею под фундамент
на сарай
и дышло главное нашел,
и план
созрел в моей звенящей голове:
мозги вправлю многим
я теперь...

22.12.2012.

***

Білий сніг
падає на ліс,
покриває стежки і дороги,
слід звіра
щезає
і тільки сніг
лежить неначе вік.
Ліс мовчить.
Стежки та дороги
замів сніг.
Я іду
і ліс зі мною
теж немовби йде
в глибокій тиші.
А білий сніг
летить, летить, летить...

23.12.2012.

***

Лондон прячет тыщи тел
под короной — черти все
из бывшего СССР:

жулики, бандиты, воры,
аферисты и мажоры.

Но их прячут от закона
за большие деньги.

Шмона

не бывает по Лондону,
в бывших русских
по-блатному там решаются
вопросы.

Деньги ложат большим стосом
на стол шефов-полицопов,
как назвать то их иначе?

Не корона же ведь прячет
от суда, суммы и зоны
тысячи рож всем знакомых,
обокравших и народ,
и сваливших страны в брод.

А теперь ища дорогу,
часто в голоде, тревоге,
люди ищут новый путь.

Но напрасно.

Не найдут.

С Лондона и США

засланцы

с помощью мешков с деньгами
покупают Русь.

И дамы лет в четырнадцать
идут на услуги
чертям.

Спрут идет,
и понятно всем откуда,
но опутан мир сетями
ада, что теперь
надолго с нами,
и горбатиться придется
за копейку,
за хлеб черствый
из химических эрзацев,
чтобы в Лондоне
все махом бывших русских подлецов
жизнь несла
не кувырком, а в изысканных
носилках,
под короной,
где опилки
от досок
на дом им вечный,
что сработают
уж честно.
Хоть и черти, недоноски,
но хоронить их будут не просто,
и останутся мажоры,
их наследники.
Стажеры,
что на новый круг
зайдут
грабить Русь.
Так всегда было.
Не вдруг...

23.12.2012.

***

Угрюм под много миль
моей тоски
и раздражения...
Хоть и мои виски
начали сесть,
но мудрости пока, наверно, нет.
И снятся снова — жуть — не сны.
Поезд «Хюндай», на нем «быки» —
новая власть.
И мчится, сволочь, огородом,
что есть мой,
срывая урожай,
и все себе в карман, домой:
ворье — само собой.
А потом не в Кабмин,
а прямо на Майдан,
а там уже народ.
— Вот я им дам! — орет
на оппозицию премьер. —
Эх, попередники, планы нам
оставили в пример,
и мы их совершили —
«Хюндай» купили.
Мы профессионалы,
попередникам — ганьба!
На трибуну влез и я,
слово взял, и говорю,
что вы во власти уже
двадцать лет,
и «уряд» прошлый, «попередники»,
вы же и есть.
Меня ногой с трибуны
и в «Хюндай»,
а там какие-то подружки
говорят: «Не унывай!»,
и изнасиловав меня
десяток раз,

закрыли в топку паровоза,
что толкал «Хюндай».
А власть орет,
что не оставит, мол, Майдан,
пока не сменится
вся оппозиция,
и край!
Палатки по Крещатику,
народ,
и лица все знакомые:
вот урод,
что был социалистом,
а вот второй, от Юли, —
полевые командиры.
Пули
выдают своим,
а прочим — водку,
и музыка ревет со сцены,
рвут там глотку,
а я все в топке.
И вот толпа кричит:
— И коммунисты с нами!
На Майдан пришли
с палатками, флагами.
Меня выпустил из топки
пьяный урка, что бродил с наганом.
Я вылез чумазый, черный,
меня в охапку — и болваном снова я на сцене.
Коммунист со звездой
орет, что вот и мир
весь с нами.
Рабочий-африканец, как
солдат, уже здесь, на Майдане.
И слово мне дают опять.
Я им говорю,
что это — авангард, а, может,
сюр какой-то нашей жизни.
Аплодисменты.

Все кричат:
— Он наш! Он ближний!
Он понял власть и как ей тяжело,
как оппозиция отстала!
Стоять мы будем до конца,
вернее, до самого начала.
И дали мне паек,
и снова я в “Хюндай”,
а там — киоск, ларек,
и бабы в крике: “Дай!”
Изнасилован я был не раз,
и выброшен в палатку,
под памятник Ленина, аккуратно.
А утром — врач, больница,
сервис, тихо...
И телевизор гонит мне
в прямом эфире
вновь Майдан.
— А здесь я почему? — спросил сестру.
— Ангина. С Майдана
привезли вас в Феофанию.
Герой вы.
Против оппозиции стоите,
за нашу власть...
И я успел что-то прочитывать —
последнее, что помню...
Спать, всегда лишь спать...

27.12.2012.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Осень все дальше уносит от жары лета.

Вечера прохладные, ночи холодные, но еще много теплых, залитых солнцем дней. В лесах запах грибов с первыми золотыми листьями и сухой хвоей, которой к концу осени будет много.

Первые туманы.

Многоголосье птичьего оркестра уменьшается с каждым днем.

Лесные дороги. Они разные. Одни — уезженные, как посыпанные песком, другие — заросшие травой.

Грибы. Грибы.

По лесам бродят люди. Как правило, в радостном настроении.

Осень переменчива — она женщина. То солнце, то дождь, то ветры, как в шторм. Но осень манит какой-то тайной. Закрытой пока.

Дивная пора. Это уже сказано, но и слов этих мало.

Это тихое буйство жизни с тайной засыпания природы.

Реки гонят свои воды и выходят из берегов, заливая луга, селения.

Это не стихия.

Это радость бытия.

Это буйство жизни.

Эмоции, которые взрывают сон природы.

Буяет все вокруг.

Это любовь.

И второй мир — жизнь красивых городов в машинах, дыму, бигбордах, зовущих проголосовать за вас, за жизнь, за правду. «Дайте мне власть!» — орет как угорелая партия «попытыков», которой три месяца от роду. Младенец с большим животом заходится в крике.

Вилы, вилы.

Всех на вилы.

Ну возьми, мужик, действующую власть подыми. Что, слабо?

А власть матерая, ушлая, спокойно ворует, фальшивит на выборах и не реагирует ни на какие выступления людей.

Бандиты, что ли?

Жестокие верующие?

Атеисты-прагматисты?

«Попытки!!!»

Им «попытка» — кормление и восседание над всеми, выпачивая все свое. А это свое, как правило, нечистое и неприятное, скользкожабое и ужастикозмеево.
Люди или нелюди? Выходцы из других миров.
Мир жути.
Это мир людской стадобности.
Он болен.
Он не видит осени.
Листья золотые — не его.
Его — деньги и власть.
Но над листьями власти не имеют.
Несчастные в коме бытия.
Бесчестные и немилосердные.
Листья падают. Огромная Луна. Полнолуние.
К смене погоды.
Начинается мелкий, густой, осенний дождь.
Ветер прохладный.
В памяти — картины прошлого и настоящего.
Любовь женщины и природа, рождение детей и Бог.
Дождь стекает по стеклу окна. Я один в доме. Мне радостно и тихо-тихо.
Я, бывший, из толпы, которую вели к свету.
От света во тьму мы и пришли.
Ведомые, почти все, на погостах.
А живые еще кочевряжатся, воруют и фальсифицируют выборы.
А толпу ведут дальше. В темноте из нее выскакивают люди и прячутся в лесу за деревьями. Кто ложится, а кто, прижавшись, сливается со стволом и молит Бога оставить его в покое от мира зверства, нечеловеческой неправды и деградации нас.
Дождь усиливается,
А завтра — митинг возле центральной избирательной комиссии.
Я тихо засыпаю.
Ночь. Осень...
Любовь всегда со мной.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М.Малюк. В любви и вере .....</i>	3
«Алхимики духа...»	7
«Заумные мудрствования разумцов...»	9
«В Римском Колизее...»	11
«Времени ход не замедлить...»	13
«Мне сегодня вновь не спится...»	15
«Белый светящийся серп...»	16
«Поет випереджає час...»	18
«Окна глаз своих...»	19
«На поясе астероидов...»	21
«А купола церквей...»	23
«Политики, политики...»	26
«Сегодня я с внуком грибы собираю...»	28
«Просыпаюсь на рассвете...»	30
«Мы полетим с тобой вдвоем...»	32
«Ты хочешь строить ракету...»	33
«Я помню тебя...»	34
«Гребни волн...»	35
«Семь томов моих поэзий...»	37
«За гранью безумства...»	39
«Вже котрий день...»	41
«Юля! Наши прокуроры говорят...»	43
«Есть горизонты высоты...»	45
«Хоть вы такой...»	47
«Осенний дождь...»	49
«Рудименты советской эпохи...»	51
«І знову осінь...»	53
«Мыслители-гении были всегда...»	54
«Вся жизнь на ходу...»	56
«Осень, осень...»	58
«Скажи-ка дядя Буш...»	60
«Я из осени сегодня...»	63
«Прокачка страха по стране...»	64
«Сиротливо горело...»	67
«Кресты и женщина...»	68
«Руссократия, украинофобия...»	70
«Их алчность сильнее их...»	72
«Отрываясь в оторванной рвани...»	74
«Кугутянський устрій...»	77

«Заблудших в темном круге...»	78
«Чемодан распираем...»	80
«Город тоски зеленой...»	83
«Унитаз влюбился сразу...»	85
«На иконах и утвари церковной...»	89
«Ожидание и одиночество...»	91
«Спливає осінь...»	93
«Сбылась хоть мечта идиота...»	94
«Великий продюсер...»	96
«Генетическая память...»	99
«Выборы стучатся в дом...»	101
«Гость ко мне пришел»	103
«День выборов пришел...»	105
«Гроздьями рябина «	108
«Отмотала мотом...»	109
«Сплошь да рядом...»	111
«Облака белые плывут...»	113
«Пустельноземлі...»	115
«Доля з долею...»	117
«Бидлокумири для бидловіри...»	119
«Колизеи, ринги, стадионы...»	121
«Урла пришла!...»	123
«Антихрист миром ходит тихо...»	125
«Оттенки и тени...»	129
«Льется вода потоками...»	131
«Миром идет...»	133
«Нелюдимость нелюдей...»	135
«Любовь моя...»	138
«Тяжело, мучительно...»	140
«Мальчик и девочка...»	142
«Великая Америка...»	143
«Ты глупость, несуразицу...»	145
«Я не смеюсь над домом...»	147
«Я прошу тебя...»	149
«Прошли времена...»	150
«Мы снова ищем сушу...»	151
«Выборы никак не закончить...»	153
«Крики, ревы...»	154
«Ночь кошмарится, хрипит...»	156
«Пена, пена из фонтана...»	160
«Поезда не ездят морем...»	162
«Столицу точно в Харьков...»	165
«Взять бы клетки...»	168

«Тарас Шевченко в бронзі...»	171
«Демократия силовых спецподразделений...»	172
» +Полытика», как говорил...»	174
«Стара та суха висока...»	176
«Не дай вам Бог...»	178
«Парень!..»	179
«Сумеречный маразм...»	181
«На постсоветском пространстве...»	183
«Мечты коммунистов...»	185
«Бульвар длинящий в дыму машин...»	187
«Брат мой должность получил...»	192
«Я шепчу твоё имя в небо...»	194
«Красные тени...»	196
«Они возвращаются из теней...»	199
«Ордынцу ночью...»	201
«Во времена смещения нравов...»	203
«Хай шакал поверне...»	205
«Опять я перестал писать стихи...»	207
«Восток и Азия великие в длину...»	209
«І знову в нас розбрат, розброд...»	211
«Известный художник...»	213
«Все мысли о себе...»	215
«С муторным дождем»	217
«Все начиналось исподволь...»	218
«Сквозь плывущий клубами...»	220
«Тридцать лет...»	222
«Какую оценку поставить оппозиции?..»	224
«Вентилятор гонит воздух...»	226
«Кандидаты с терриконов...»	228
«Ты — молодой, зеленый...»	230
«Глаза, отточены фрезой...»	232
«Солнечный день...»	235
«Луна в половине своей...»	237
«Страх опять змеей холодной...»	240
«Великим в мире...»	242
«Високо в небі сірому...»	245
«Правда в світі...»	246
«Рудименты советской эпохи...»	248
«Лежить велика лотерея...»	250
«По улицам идут куда-то люди...»	252
«Поезд уже вышел...»	254
«Реклама для телевидения...»	256
«Капиталистическая система СНГ...»	258

«Ноябрь в печали...»	260
«Дьявол, поначалу,=...»	262
«Две тыщи лет после Христа...»	264
«Мне памятник поставят...»	266
«Новые люди...»	269
«Совсекретный...»	272
«Белые розы на белом столе...»	274
«Форварди футбольні...»	275
«Референдум — власть народа!..»	276
«Мы все больны деньгами...»	279
«Звон колокола храма...»	281
«Двадцать лет летит страна...»	283
«Олигархи, псы цепные...»	285
«У садочку, біля тину...»	287
«Тени ветвей по снегу...»	289
«Мне свободу бы купить...»	291
«С моралью жизнь сложнее...»	293
«А белый снег кружится...»	295
«Бог наповнює нас любов'ю...»	296
«Джонсон сделал Валере...»	298
«Зашли сегодня...»	299
«Оттенки жизни моей цветные...»	301
«Лед тишины...»	303
«Люди встают в огне...»	305
«Первые «тушки»-предатели...»	306
«Любящий себя уже несчастный...»	307
«Страх высоты...»	309
«На моем окне...»	311
«Грозные башни...»	313
«Мне не нужна...»	316
«Все повторяется...»	318
«Страна вошла...»	320
«Білий сніг...»	324
«Лондон прячет тыщи тел...»	325
«Угрюм под много миль...»	327
Послесловие	330

Літературно-художнє видання

Можаровський А.І.

М75 Відтінки і тіні. *Поезії*. — К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2013. — 336 с.

ISBN

В поезії Анатолія Можаровського художні образи вражаючої реалістичної сили просякнуті безмежною любов'ю до людей і, як завжди, мають виразне соціальне спрямування.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 19.02.2013.
Формат 60х100 1/16. Зам.
Ум.друк.арк. 14,71.

Видавничо-поліграфічний Центр «Київський університет»
01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка.14, кім.43
Свідоцтво ДК № 1103 від 31.10.2002.